

★ Д ★ М И Т Р И Й ★
ЯНКОВСКИЙ КРЫСА

**ВИРУС
БЕССМЕРТИЯ**

Дмитрий Валентинович Янковский

Вирус бессмертия

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120795

Аннотация

Москва, 1938 год. В обстановке строжайшей секретности идет схватка за привезенные из тибетской экспедиции секреты буддийских монахов, способные наделить своего владельца невероятным могуществом. В борьбу за обладание тайным знанием вступают сотрудники НКВД и германской разведки, владеющий гипнозом ученый и древний шумерский воин. Однако многое в этой игре будет зависеть от простого рабочего, комсомольца Павла Стаднюка, случайно попавшего в шестерни беспощадного механизма Истории.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	19
ГЛАВА 2	43
ГЛАВА 3	61
ГЛАВА 4	74
ГЛАВА 5	84
ГЛАВА 6	94
ГЛАВА 7	107
ГЛАВА 8	129
ГЛАВА 9	169
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Дмитрий Янковский

Вирус бессмертия

*Арлекины и пираты,
Циркачи и акробаты,
И злодей, чей вид внушает страх,
Волк и заяц, тигры в клетке —
Все они марионетки
В ловких и натруженных руках.
А. Макаревич*

ПРОЛОГ

*22 сентября 1925 года. Памир.
Заалайский хребет*

То ли специально, то ли никого больше не было, но нам подсунули плохонького проводника. Единственным бесспорным достоинством китайца Ли остается приличное знание русского языка, иначе Богдан давно пустил бы ему в лоб пулю из «маузера». В остальном Ли по молодости глуп, ленив, дерзок, а главное, чужд всяческих норм, присущих нормальному человеку.

Сегодня он снова ошибся с погодой и теперь радуется этому, как ребенок. А мы весь день вместо того, чтобы продвигать

гаться в сторону Ферганы, рыли снег единственной лопаткой, пытаюсь по его совету устроить убежища от бурана.

Лучше бы мы шли, пока было светло, потому что к темноте нас вместо бурана ожидал совершенно неподвижный воздух, похожий на глыбу льда, застывшую между двух исполинских вершин. Небо, если выползти из палатки, открывалось совершенно ясное, полное звезд, каких я до этого никогда не видел. Многие из них срываются, падают и рассекают небо яркими вспышками, высвечивая заснеженные заросли тугая на скальных выступах.

Богдан сидит рядом и злится, что я понапрасну жгу керосин. Я ему попробовал объяснить, как мои записки могут пригодиться в будущем для понимания подробностей нашего похода, но это лишь сильнее его разозлило, поскольку миссия наша секретна и никто, кроме товарища Дзержинского, в моих писульках копать не будет. Я же остался при своем мнении, полагая товарища Дзержинского слишком занятым для знакомства с моими каракулями, так что дневник скорее всего ляжет в архив и лет сто будет пылиться на полке. Когда же по всему миру наступит светлое коммунистическое будущее, всякие тайны отменят, и мои записки вполне смогут кого-то заинтересовать.

Так что я адресую их скорее последующим поколениям коммунаров, нежели товарищу Дзержинскому, хотя, вполне возможно, и он найдет в них что-то для себя интересное.

Китаец Ли умеет ночевать в снегу и не мерзнет при этом,

а утром просыпается бодрым и свежим в отличие от меня, страдающего головными болями от керосинового угара в палатке. Богдану же — хоть бы что. Железный человек. За все время, сколько я его знаю, он ни разу не поморщился от боли, не кашлянул, не чихнул, а мелкие раны заживают на нем, как на собаке. Я думаю, он мог бы стать примером того, каким должен быть большевик.

Лампа тут горит из рук вон плохо, дымит и коптит, хотя керосин остался тот же самый, которым мы с успехом пользовались в долине. Ли говорит, что духам ледника не нравится вид огня, поэтому здесь все хуже горит, но в эти поповские сказки ни я, ни Богдан не верим. Богдан объяснил такое явление недостатком воздуха на высоте, и это показалось мне более верным, поскольку не противоречит принципам материализма. Алешка тайком от Богдана больше поверил китайцу, а мне рассказал, как совсем мальчишкой забирался в Питере на заводскую трубу, чтобы подать сигнал бастирующим рабочим. Там, несмотря на высоту, лампа горела нормально. Подумав и взвесив, я решил при первой же удобной возможности сменить фитиль, но не хотелось пока ради этого ворошить снятые с верблюдов тюки.

Узнав о моей головной боли, Ли попробовал и меня научить спать в снегу, но я категорически воспротивился, поскольку даже в палатке холодно, особенно когда поддувает ветер. Алешке сегодня повезло с погодой, в карауле стоять даже приятно. Сидишь себе, куришь самокрутку, да гля-

дишь, как вспыхивают над головой падающие звезды.

Ну вот, Богдан приказал ложиться спать, поскольку мне заступать в караул следующему.

* * *

*23 сентября 1925 года. Памир.
Высокогорная Алайская долина*

Мы таки попали в буран. Только не ночью, как говорил Ли, а после обеда, когда спустились в долину. Я боялся, что Богдан все же пристрелит проводника раньше времени, потому что зол он был немислимо, даже два раза стрелял в воздух. Он так злился оттого, что Ли не привел ему убедительных доказательств необходимости остаться возле убежищ. Правда, китаец предупреждал о буране, даже показывал приметы его приближения, но дважды он уже проявлял неточность в таких предсказаниях, да к тому же Ли, как обычно, говорил весьма туманно, объясняя приметы проявлением воли горных духов. Конечно же, настоящий большевик, такой, как Богдан, подобные объяснения принять не мог и велел двигаться дальше, так что на момент начала бурана мы оказались далеко от убежищ, а новые отрыть не успели.

Я видывал всякие метели, но ни с чем подобным никогда не сталкивался. Горный буран больше походит на морской шторм, чем на ветер со снегом, он гонит между скал насто-

ящие снежные волны, очень подвижные. Небо быстро заволокло равномерной белесой мглой, в которой вертятся вихри мелкой снежной пыли, сдуваемой ветром с вершин. Ехать почти невозможно, приходится пробираться прямо сквозь мчащиеся по снегу сугробы, словно погружаясь в тяжелую ледяную пену. К тому же местами ноги животных проваливаются. Алешка по молодости так и не освоил верблюда, отправившись из долины на жеребце, а Богдан ничего не мог сделать, справедливо посчитав, что лучше уж оказаться в горах на коне, с которым умеешь справиться, чем на верблюде, не зная его повадок.

Лучше всего себя чувствовал лохматый пес Бек. Хоть его шкура покрылась сосульками, словно панцирем, он легко скакал сквозь сугробы, то и дело скрываясь в снегу до самых ушей. Несмотря на черный окрас шерсти, я несколько раз полностью терял его из виду. Похоже, ему было даже весело, так он лаял на ревущие вихри, призраками бродящие между склонами гор.

Иногда снежные завалы сменялись плоскими каменистыми залысинами. Казалось, по ним легче ехать, но опытные верблюды стараются по возможности обходить такие места стороной. Залысины образуются от свирепого ветра, набирающего силу между скальными выступами. Он сдувает снег и больно бросает в лицо мелкие камушки, от чего приходится беречь глаза за воротниками тулупов. Иногда ветер становится таким сильным на этих залысинах, что животные не

могут справиться с напором, останавливаются и пятятся. Если же ветер дует сбоку, ехать вообще невозможно, верблюды пугаются, режут и ложатся на землю, боясь опрокинуться на бок.

Нам повезло, что Ли каким-то непостижимым образом отыскал в мечущейся мгле пещеру с почти засыпанным входом. Я так и не смог выпытать, откуда он знал про нее. Китаец уверял, что пещера просто обязана здесь быть, и он бы очень удивился, если бы ее не было при таком направлении ветра. Такое объяснение выглядит нелепым, и теперь я уверен, что хитрый Ли от нас что-то скрывает. Возможно, по этой дороге у него полно тайников.

Пещера очень большая, мы завели в нее всех верблюдов вместе с Алешкиным жеребцом и развели костер. Запасов еды осталось на три дня, и то если расходовать очень умеренно. Китаец просил у меня винтовку, чтобы убить козла или горную индейку, но подозрительный Богдан оружие ему не доверил.

Алешка спит, я пишу, а Богдан наконец получил возможность перечитать записи, которые мы везем в ЧК.¹ Как он их разбирает, непонятно, поскольку написаны они на чужом языке, но иногда Богдан сам достает карандаш и делает пометки в тетради на русском. Меня разбирает любопытство, какую ценность могут иметь для мирового пролетариата за-

¹ Автор записей, несколько лет находясь в экспедиции, не знал о реорганизации ЧК в ГПУ (прим. автора)

писи, сделанные оболваненными монахами несколько тысяч лет назад? И он, и я пишем при свете костра, время от времени подкидывая в огонь наломанные китайцем ветки арчи. Надо беречь керосин.

Глаза слипаются от усталости. Пойду спать. Впервые за несколько дней мне по-настоящему тепло. Высокое пламя костра дает много жара.

* * *

24 сентября 1925 года.

Памир. Алайская долина

Буран еще не кончился. Утром Богдан вышел по малой нужде и нашел у входа в пещеру множество крови и перьев улана. Ночью Ли как-то сумел добыть птицу и съел ее сырой. Богдан несколько раз обыскал китайца, пытаясь найти оружие, но ничего, кроме ножа, не отыскал. Забрал нож и приказал Алешке не спускать с проводника глаз. Со мной он поделился подозрением, что в одном из тайников Ли может держать винтовку, поскольку улан никогда не подпускает стрелка на расстояние пистолетного выстрела. Возможно, он прав, и рев бурана помешал нам расслышать звуки стрельбы. Другого объяснения я не нашел, а спрашивать китайца казалось бессмысленным.

Днем у Алешки началась лихорадка. Ли просил загасить

огонь, утверждая, что болезнь – это месть горных духов. Богдан, помня предыдущие хитрости проводника, слушать его не стал. У меня тоже болела голова, и я по большей части сидел, даже не в силах взяться за карандаш. Богдан продолжал разбирать записи. До вечера я не ел.

Животные чувствовали себя как обычно, но верблюды отказывались ложиться, даже когда Богдан тянул их вниз за кольцо в носу. Черный выглядел перепуганным, горб у него совсем обвис.

Пес Бек сбежал. Богдан объяснил, что местные собаки приучены охотиться, как волки. Но раньше Бек нас не покидал так надолго.

Я подумал, что китаец мог нас всех отравить, когда набирал снег в котелок, но говорить Богдану я остерегся. Он слишком горячий, а никто из нас не найдет самостоятельно дорогу на Фергану.

Больше нет сил писать.

* * *

25 сентября 1925 года.

Памир. Алайская долина

Я не смог разбудить Алешку. Он умер, был весь синий и некрасивый. Китаец ночью сбежал, пока я был в карауле. Он дождался, пока я усну, окончательно лишившись сил, и

забрал все записи, которые мы везли в ЧК, осталась только тетрадка с пометками. Ее Богдан носил под тулупом.

Богдан был так зол на меня, что я думал – пристрелит. Но он успокоился.

Я еле двигаюсь, даже пустой котелок показался мне слишком тяжелым. Собирать снег пришлось на четвереньках у самого входа. Несколько раз попались перья улана. Я их выбросил.

Зря собирал снег. Костер потух, потому что некому было сломать арчу. В пещере стало темно, и мы зажгли лампу.

К вечеру мне стало чуть легче. Мы думали хоронить Алешку, но землю в пещере не удалось раскопать. Тогда мы сняли с тела все ценное, чтобы не пропадало, и вынесли покойника из пещеры. Буран набрал полную силу.

Едим солонину. Теперь пищи хватит дней на пять, поскольку людей стало меньше и не надо кормить собаку. Если буран кончится завтра, успеем спуститься в долину. Можно было бы забить ненужного жеребца и держать мясо на морозе, но нет огня, чтобы готовить конину.

* * *

26 сентября 1925 года.

Памир. Алайская долина

Буран начал стихать. Богдан ходит хмурый, нервничает.

Он приказал мне прочесть его записи и переписать в дневник по памяти так, чтобы я запомнил их накрепко. Сказал, что я многого не пойму и многое мне покажется странным, но если с Богданом что-то случится, именно я должен буду передать все в ЧК. Он считает, что, если пройти по межгорью, можно и без проводника добраться до обитаемых мест.

Мне пришлось читать его тетрадку до вечера, прежде чем я запомнил главное без ошибок.

Оказывается, на свете есть Бог, но это является величайшей тайной диктатуры пролетариата. Никто из попов по-настоящему в Бога не верит, поэтому религия как была, так и остается опиумом для народа. На самом деле наличие Бога не противоречит теории материализма, поскольку по сути Бог является материальной субстанцией, расположенной в межпланетном пространстве. Верить в него нельзя, потому что он не совершает чудес и никогда не спускался на землю, как утверждают поповские сказки. Настоящий пролетарский Бог редко вмешивается в дела людей, это происходило лишь несколько раз с промежутком в многие тысячи лет. Главным является то, что следующее обращение пролетарского Бога к людям свершится ровно через тысячу девятьсот тридцать восемь лет после самого яркого появления хвостатой звезды.

Услышать и правильно понять обращение Бога трудно. Для этого надо всю жизнь соблюдать обет безбрачия, а кроме того, необходимо обрить голову и специальными упражнениями вырастить третий глаз на макушке. В нужный день

следует взойти на гору, состоящую из самого твердого камня, лечь на ней и уснуть. Если все сделать верно, то во сне можно увидеть Знак Бога, который будет содержать важнейшие знания. Тот, кто увидит Знак Бога, поймет его очень легко.

Все это я прочно запомнил. Многое меня действительно удивило, и я решил побеседовать с Богданом об этом. Меня интересует, что может сказать пролетарский Бог людям?

По мнению Богдана, он должен передать устройство невиданного оружия для борьбы с врагами коммунистического движения или подсказать, каким образом любой камень превратить в золото.

Я уверен, что с таким знанием легко будет устроить мировую революцию.

Решили спать по очереди, Богдан остался сторожить первым.

* * *

27 сентября 1925 года.

Памир. Алайская долина

Буран окончательно стих. Ночное небо кажется невероятно близким, а звезды почти не мерцают, поглядывая на горы мохнатыми огоньками. Теперь я знаю, что среди них живет настоящий Бог. Очень интересно узнать, как он выглядит.

Собираемся идти ночью, чтобы наверстать упущенное время и не переводить зря еду. Очень спокойный воздух, мороз пощипывает кожу, но не пробирает насквозь. Тело Алешки занесло снегом так, что мы не нашли даже бугорка.

Вернулся Бек. Он притащил в зубах огромного улана. Богдан осмотрел птицу и сказал, что у нее руками свернута шея, а никаких следов от пуль нет. Я проверил винтовку, выстрелив в воздух. Горы отозвались раскатистым эхом.

Улана мы ошипали и съели сырым, благо он был еще теплым. Сырое мясо животного, а не птицы я бы так съесть не смог. А Богдану будто бы все равно.

Мы навьючили верблюдов и вышли, но скоро остановились у развилки двух межгорий, почти одинаковых. Стрелка компаса пляшет и вертится, словно к ней поднесли гирию. Богдан решает, что надо спускаться по левой развилке. Бек этим очень доволен, видимо, звериное чутье подсказывает ему верную дорогу к жилью. Мы с Богданом договорились ему верить.

Когда проходили через обширный снежный завал, жеребец проломил ногами наст и провалился до самых ушей. Мы спешили и начали утаптывать вокруг него снег, чтобы правильно уложить и развьючить. Он ржал, бил копытами и проваливался все глубже, не желая лечь на бок. Богдан разозлился и убил его из «маузера». Я хотел развьючить коня и отрезать часть окорока, в надежде потом найти топливо для костра, но сам чуть не ушел в рыхлый снег. Богдан прика-

зал все бросить, и мы уехали на верблюдах. Они оказались опытными, подгибали передние ноги и спускались на них, как на лыжах.

После трудного места сделали привал и отправились дальше.

* * *

30 сентября 1925 года. Памир.

Предгорья Алайского хребта

Взошло солнце, и мы снова не знаем, куда идти. Один путь ведет вниз, через долину, заваленную рыхлым снегом, другой вверх, на ледник. И тот, и другой очень опасны. Богдан хочет понять, по какому пройти будет легче, но я считаю, что нужно искать не легкую дорогу, а ведущую в нужном направлении.

Устроили привал. Я добрался до края ледника и наломал ветвей тугая, росшего на склоне. Из остатков керосина и принесенных мной веток сделали костер. Бек хочет идти на ледник, лает и тянет Богдана за полу тулупа. Но я лазил туда и знаю, что с верблюдами там не пройти.

Мы вместе покурили моей махорки, хотя раньше Богдан воздерживался от этого, жуя насвой из каменной бутылочки. Затем решили спускаться через снег. Бек не хотел идти с нами, лаял издали и рычал. Богдан стрелял в него из «маузе-

ра», но не попал, а потом кончились пули. У меня в обойме винтовки оставалось еще четыре патрона. Бек поджал хвост и сам полез на ледник. Там я увидел китайца и предупредил об этом Богдана.

Он хотел забрать у меня винтовку, но я не дал, сказав, что проводника лучше убить на входе в Ферганскую долину, а сейчас он может подсказать нам верную дорогу, если его подманить хитростью, связать и пытаться. Богдану это понравилось.

Он велел мне вынуть патроны из винтовки и показать китайцу, а сам показал ему пустой «маузер». Ли спустился и привел с собой Бека. Он сказал, что в такую погоду мы обязательно умрем, если пойдем вниз. Мол, скоро с левой вершины сойдет лавина, а по леднику можно выбраться на удобный перевал, только надо бросить верблюдов. Я ударил его прикладом в спину и сбил с ног, а Богдан навалился сверху и долго бил его кулаком по голове. Я зарядил винтовку и отогнал выстрелом рычащего Бека, мне было жалко его убивать.

Потом мы связали китайца и подождали, когда он придет в себя. Вид у него был совершенно спокойный, даже веселый, хотя Богдан выбил ему два зуба. Он смеялся над нами и говорил, будто мы убиваем себя враньем, поскольку не умеем слышать правду. Подумав, Богдан решил, что первый раз китаец мог назвать верную дорогу, так как надеялся на наше неверие. Я согласился.

Ближе к полудню Богдан взял у меня винтовку и повел

китайца расстреливать возле скалы. Я ему советовал удавить Ли, чтобы не тратить патроны, но Богдан замерз, нервничал и не хотел снимать повод с верблюда, а другой веревки под руками не было. Я решил, что нет разницы, два патрона у нас останется или три. Мне тоже не хотелось снимать повод с верблюда.

Китаец смеялся над нами, говорил, что выстрелом мы разбудим горных духов и они убьют нас камнями. Но Богдан не поверил, ведь я уже стрелял в этом месте, и ничего ужасного не произошло. Он оставил Ли у скалы, а сам отошел на несколько шагов, передернул затвор и прицелился проводнику в голову. В этот момент Ли выкрикнул непонятное слово, похожее на заклинание, оно показалось мне громким и визгливым. У меня заложило уши, а под Богданом проломился наст, и он, вместе с винтовкой, провалился по шею. Я хотел утоптать вокруг него снег, но Бек накинулся на меня сзади и повалил, скалясь и целясь зубами в горло. Раздался винтовочный выстрел, и я перестал видеть Богдана, наверное, от сотрясения он провалился еще глубже. Ли свистом подозвал пса, и тот помог распутать ему руки.

Потом китаец проследил, как я все запишу, бегло просмотрел листы и заставил добавить последнюю фразу, после чего обещал отвести в Фергану.

Я добавляю под его диктовку: «Боги внутри, снаружи лишь дьяволы».

ГЛАВА 1

27 декабря 1938 года, вторник.

Москва, центр

Возле станции метро «Дзержинская» толпился народ, как всегда в центре Москвы перед праздниками. Было уже темно, урчали полуторки, крякнула сигналом «эмка». Паша остановился на углу Никольской возле памятника метростроевцам и достал из кармана пальто новенькие «Кировские». Часы показали без десяти семь – чуть больше тридцати минут до начала занятий в ОСОАВИАХИМе, а Мишки все нет. Не хватало только из-за него опоздать! Такое придется выслушать на комсомольском собрании, что даже думать не хочется. Павел вздохнул, ссутулился и глубже сунул руки в карманы, исподлобья наблюдая за снующим народом. Холод быстро забирался под одежду, заставляя ежиться и переминаться с пятки на носок. Утоптаный снег мерно похрустывал под ногами прохожих, мороз пробирал до костей, вызывая сонливость.

– Эй, молодой человек! – послышался справа мужской голос. – Это не ты случайно Павел Стаднюк?

Паша вздрогнул и обернулся всем телом, чтобы не впустить за пазуху холодный воздух.

Перед ним стоял высокий представительный мужчина лет

сорока пяти. На нем было безупречно-черное каракулевое пальто – длинное, ниже колен. Запорошенная снегом черная меховая шапка. Короткая черная борода выдавала каждодневные усилия кропотливых цирюльников. В остальном же лицо незнакомца было невыразительным, но именно это и пугало. Какое-то мертвецкое, нечеловеческое лицо. Только немигающие, как у змеи, глаза обжигали взглядом.

– Да, я Стаднюк, – поперхнувшись, ответил Паша.

Он еще больше съежился, теперь уже не столько от мороза, сколько от страха. И опустил глаза.

На ногах незнакомца, несмотря на погоду, были черные лаковые туфли, каких не найти в магазине. В недоумении Павел опять поднял глаза на лицо незнакомца, ожидая услышать еще что-нибудь, но тот, продолжая молчать, придиричиво оглядывал Павла с головы до ног. Оглядывал так, как на рынке оглядывают лошадь.

Павел нерешительно переступил с ноги на ногу, чувствуя, как молчание незнакомца все сильнее опутывает его липкой паутиной ужаса, лишая воли и рассудка.

– Ладно, пойдем, – усмехнулся важный мужчина и, кивком указав Паше направление, первым направился по Никольской в сторону метро.

– Куда? – хрипло спросил Паша, вспоминая, как неделю назад увезли куда-то соседа по лестничной площадке, и удивляясь, что так послушно следует за незнакомцем.

Мужчина в черном пальто шел пружинистой походкой, не

оглядываясь. Паша с трудом поспевал за неразговорчивым провожатым, оскальзываясь на темных полосах льда, припорошенного снегом, и с тоской оглядывался по сторонам, не рискуя бежать. Куда? Все равно найдут. Только хуже будет. Да и не виноват он ни в чем. Нечего бояться! Врут все про аресты невиновных.

Вдоль улицы поддувал по ногам ветер, и Павел все больше съеживался, пряча лицо от колкого снежного вихря.

Идти оказалось недалеко – у тротуара, почти уткнувшись радиатором в снежный сугроб, стояла черная «эмка» с завешанным мотором. Мужчина приоткрыл заднюю дверцу.

– Садись, Стаднюк.

Дикий ужас неминуемой смерти сжал сердце, и Павел, споткнувшись, грохнулся на колени. Мужчина в черном равнодушно ухватил его за ворот пальто и затолкнул на заднее сиденье салона.

– Ты только, Пашенька, чудить не вздумай, – садясь рядом, предупредил он. – А то зашибу, не ровен час.

Паша вжался в сиденье, с трудом сдерживая желание завыть от отчаяния. Страх образовал в животе огромную ледяную пещеру и мешал дышать.

Грузный водитель в фуражке с синим околышем молча тронул машину с места, развернулся и, миновав площадь Дзержинского, погнал по Лубянке. Очень скоро огни фонарей скрылись позади, завьюженные метелью. Павел украдкой взглянул на хозяина «эмки», пытаясь предугадать свою

грядущую участь, но профиль человека в черном пальто был неподвижен, будто профиль каменного памятника.

«На Дзержинского чем-то похож», — заметил Павел, вздохнул и отвернулся к окну.

Через минуту «эмка» проскочила перекресток, на котором буксовала полуторка с зажженными фарами. Возле грузовика двое красноармейцев орудовали лопатами, пытаясь подсыпать под колеса песок из кузова.

На Садово-Спасской «эмка» повернула направо. Чем дальше от центра, тем меньше попадалось людей на улицах и машин на дороге — городом правили начинающаяся метель и хмурые постовые, от носа до пят укутанные в тулупы. Павел опустил голову и увидел, как тает снежная пыль на колесных. Он не понимал, за что его взяли, и мог предположить лишь чей-то подлый наговор. Неужели кто-нибудь из бригады? Кому он говорил, когда и где встречается с Мишкой? Почти все знали. Да и какая теперь разница — кто?

Павел украдкой огляделся и понял, что водитель гонит «эмку» в сторону Сокольников. Почему не на Лубянку, если это арест? Вот вляпался! Следовательно в кабинете можно хоть что-то объяснить, оправдаться, тем более что серьезно-ничего за собой Паша не чувствовал. А так вывезут в лес и пристрелят! Варька говорила, что такое бывает, хотя откуда ей знать, если из таких поездок мало кто возвращался? Но раз не возвращаются, значит, все так и есть. Мысли в голове путались, торопливо сменяя одна другую. Сердце заколотило.

лось сильнее, и Павел закусил губу.

«Эх! Не стоило поддаваться на Варькины уговоры, а надо было ехать с Гришаней в Испанию, в коммунистические интербригады. Гришаня бы устроил, он мог. На войне ведь нужны не только бойцы, но и хорошие механики. А там сейчас тепло, там, говорят, прямо на деревьях мандарины растут. С испаночкой какой-нибудь познакомился бы, – подумал Пашка и печально вздохнул. – Другие бы страны посмотрел, как Варькин отец. Спасла, называется, Варя от франкистских пуль – теперь свои расстреляют ни за что ни про что. Все ее предрассудки!» Суеверная кузина и слышать не хотела о желании Павла отправиться рисковать жизнью ради каких-то испанцев. Несознательная была Варвара, не изжила еще мелкобуржуазный дух в своей личности! Отец у нее пролетарский ученый, путешественник, а сама она какая-то мещанка.

Павел был чужд ее предрассудков, он верил, что если один раз пуля попала в голову и не убила, то и в другой этому не бывать. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Варька, напротив, пугалась, когда у Паши случались приступы от контузии, прикладывала примочки и бурчала, что второй раз чуда не будет. Может, и впрямь права Варька, может, как раз пуль и следовало бояться Павлу? Хмурый незнакомец, безмолвный водитель и машина, летящая в темноту сквозь поземку, убеждали в верности ее слов.

В Сокольниках повернули направо, водитель сбавил ско-

рость, вырубивая между мрачными деревянными постройками. Потом свернули еще несколько раз, углубляясь в темные заснеженные улочки, и «эмка» наконец замерла у высокого каменного забора.

Незнакомец в черном выбрался из машины.

– Выходи, Стаднюк, – позвал он.

Паша выкарабкался на снег и сразу спрятал лицо от сильного порыва метели. Незнакомец даже бровью не повел, словно не чувствовал холода вообще. Точно мертвяк.

– Ты как себя чувствуешь, Стаднюк? Бледненький весь, – с насмешливым сочувствием сказал энкавэдэшник. – Укачало, что ли? Ну ничего-ничего! Сейчас чайку попьем. Не трясись ты так, а то раньше времени концы отдашь!

Энкавэдэшник неожиданно жизнерадостно захохотал над собственной шуткой, и Паша опять ощутил страх. Он попытался захлопнуть за собой дверь «эмки» и опять чуть не упал.

– Так, Сердюченко, – незнакомец постучал пальцем в водительское стекло. – Заправься, возьми две запасные канистры и можешь отдыхать в гостевой. Я тебя вызову, когда будет нужно. А ты, Стаднюк, не мерзни, проходи во двор, вон калиточка. Иди-иди! Не стой!

«Все, – подумал Паша, делая первый шаг. – Сейчас выстрелит мне в затылок. А про чай – это так. Для издевки».

Он так сжался, что непременно умер бы от разрыва сердца, если бы под ногой хрустнула ветка или обломок сосульки.

Но только снег скрипел под ногами. Дойдя до ограды, Павел вытащил из кармана окоченевшую от холода руку и потянул на себя массивную бронзовую ручку, в центре которой была отчеканена пятиконечная звезда с вписанным в нее серпом и молотом. Калитка скрипнула и подалась, оставив на снегу полукруглый след.

Во дворе оказался невысокий особняк с горящими желтым светом окнами. Возле крыльца переминался с ноги на ногу красноармеец с винтовкой, у его ног напряженно сидела огромная лохматая псина. Павел остановился, увидев, как собака с глухим урчанием оскалила желтые клыки.

– Не бойся, Стаднюк, – донесся из-за спины спокойный голос энкавэдэшника. – Она без команды не бросится.

Он обогнал Пашу и, первым поднявшись по невысоким ступеням, распахнул дверь в теплую прихожую. Облако пара устремилось в темное небо.

– Прошу! – энкавэдэшник опять сверкнул круглыми немигающими глазами.

Павел шагнул через порог.

Незнакомец не спеша разделся, поправил прическу перед большим зеркалом и обернулся.

– Можешь называть меня Максимом Георгиевичем, – произнес он, пристально глядя Паше в глаза. – Фамилия моя Дроздов, а должность тебе знать не обязательно. Да ты раздевайся, раздевайся. И сапоги снимай, не стесняйся. Портяночки внутрь кинь. Машенька! – крикнул он куда-то в глу-

бину особняка. – Принеси-ка молодому человеку домашнюю обувь!

Пашка с надеждой подумал, что, может, его и не расстреляют, а дадут правительственное задание. Да-да! Просто задание очень секретное, поэтому все так загадочно. Это предположение несколько обнадежило Стаднюка, и он опять вздохнул, стягивая с головы шапку.

Раздались торопливые женские шаги, и в дверном проеме показалась стройная молодая женщина в темно-синем, строгом, почти форменном платье с белым накрахмаленным воротничком. Ткань туго обтягивала высокую полную грудь.

– Добрый вечер, Максим Георгиевич, – сказала Машенька и поставила у ног Павла пару войлочных тапок.

– Спасибо, – поблагодарил Стаднюк, вешая пальто на крюк высокой деревянной вешалки, и оглянулся, куда бы сесть, чтобы стянуть сапоги. Никакой табуретки не было, и ему пришлось прыгать сначала на одной ноге, потом на другой, чтобы справиться с обувью.

– Это Машенька, моя секретарша. Для тебя Марья Степановна, – с холодной улыбкой представил сотрудницу Максим Георгиевич. – Запоминай, пригодится.

Эта фраза подтвердила предположение Павла о тайном государственном задании. Значит, не расстреляют. Ну и хорошо.

– А это Павел Стаднюк, – сообщил секретарше Дроздов. – Машенька! Проводишь гостя к умывальнику. Выдашь ему

все, что надо. Он поживет здесь несколько дней. Как умоется, подавай чай на двоих. С сахарком, с пряниками... А то видишь, как наш гость перепугался? Да и промерз, верно?

Пашка кивнул.

Дроздов покинул прихожую и скрылся за одной из дверей, а Машенька с кислой улыбкой осталась ожидать, когда Павел справится с обувью. Он наконец разулся и, почувствовав дух, исходящий от портянок, устыдился. В особняке пахло тонким цветочным запахом – ароматом мыла, чистоты и дороговизны. По-буржуйски пахло. Просто до неприличия по-буржуйски.

Дроздов снова появился в коридоре, но тотчас исчез за другой дверью.

– Вам сюда. Проходите, пожалуйста, за мной, – сказала Марья Степановна спокойным приятным голосом, выключив в прихожей свет и двинувшись по коридору.

– Ага. Спасибо, – уже смелее кивнул Паша и переступил порог.

Машенька повела Стаднюка к той двери, за которой Дроздов скрылся в первый раз. Там оказалась комната с умывальником и ванной. Паша снова поразился. Стены комнаты были отделаны фарфоровой плиткой и зеркалами, над раковиной в форме створки моллюска нависал натертый до блеска медный кран с двумя вентилями. Эти два вентиля удивили Павла больше, чем огромная ванна у стены. К чему их два на одном кране? Он придвинулся ближе и разглядел, что проб-

ки на фарфоровых ручках разного цвета – одна синяя, другая красная. На ободке крана виднелась надпись на немецком или английском: «HANSA» – скорее всего, имя капиталиста, державшего фабрику.

«Неужели из одного крана дают обычную воду, а из другого горячую?»

Паша нерешительно покрутил вентиль с красной меткой.

В раковину действительно потекла горячая вода.

Паша покачал головой. «Разве бойцы НКВД должны пользоваться такой роскошью, когда весь народ живет скромно и без излишеств? Хотя, наверное, правильно это. Какие нагрузки! А ответственность? Товарищ Дзержинский, говорят, вообще не спал, потому что некогда».

Паша открыл второй кран и, добившись нужной температуры, с наслаждением сунул застывшие, покрытые цыпками руки под теплую струю.

«Хороши буржуйские штучки, – подумал он и тут же себя одернул: – На службе у трудового народа».

В зеркало он увидел, как за спиной опять открылась дверь и секретарша повесила на крючок махровое полотенце.

– Утираться будете этим, – сказала она. – Если надо по-сморгаться, то у нас есть салфетки, вот они, на столике возле зеркала. Мыло возьмите. А это – мусорница.

Марья Степановна наступила на педальку маленькой аккуратной ножкой, обутой в туфельку с пряжками, показывая, как поднять крышку бака, не пачкая рук.

– Вот так, – сказала Машенька и покинула ванную.

«Говорят, несколько дней здесь пробуду, – со вздохом подумал Стаднюк, с робостью и удивлением разглядывая роскошное помещение. – А как же Варенька? Она ведь беспокоиться станет. Но сначала надо о себе подумать, а ей и потом можно будет все объяснить».

Совсем осмелев, Паша потянулся за мылом, но дверь открылась в третий раз, и Максим Георгиевич позвал:

– Хватит плескаться, Стаднюк! Чай остынет. Утирайся, и пойдем разговорчики разговаривать.

Так и не успев толком помыть рук, Стаднюк торопливо завинтил краны и потянулся к полотенцу. Но, увидев ослепительную белизну ткани, не рискнул прикоснуться к ней, а украдкой вытер руки о штаны.

Он поспешил догнать Дроздова в коридоре и вошел за ним следом в гостиную, освещенную только тусклым светом настольной лампы. Из молчаливой зимней темноты показались огромный кожаный диван, кушетка, массивный стол из темного дерева и три стула возле него. В камине жарко пылали дрова. Кроме той, в которую они только что вошли, из гостиной вели куда-то еще четыре двери.

Павел остановился посреди комнаты. Энкавэдэшник неторопливо пересек комнату и устроился за столом. От него потянуло тонким дорогим запахом.

– Присаживайся, – указав на стул напротив себя, Дроздов придвинул лампу так, что Павлу пришлось сощуриться от

яркого света. – Сейчас на вопросы будем отвечать. Вопросы-ки простые, большинство ответов я и так знаю, так что ты ничего не скрывай. Не юли и не пытайся обмануть Советскую власть. Понятно?

Павел кивнул и опустился на край большого резного стула.

– Ну, раз договорились, – усмехнулся товарищ Дроздов, – тогда почаевничаем и приступим.

Тотчас бесшумно отворилась одна из дверей, и в гостиную, впустив едва заметный запах готовящейся еды, проникла Марья Степановна, ловко держа поднос со стаканами и сахарницей. В полной тишине она поставила стаканы в серебряных подстаканниках сначала перед начальником, потом перед Стаднюком, после чего неслышно скрылась за дверь.

Павел подождал, пока хозяин первым бросит щипцами три больших куса рафинада себе в стакан, и тоже потянулся к сахарнице. Не рискнув показаться нахалом, Павел взял только два куска.

Некоторое время Дроздов сосредоточенно размешивал сахар, громко стуча ложечкой. Павел поспешил размешать сахар поскорее и потянулся губами к горячему краю стакана, собираясь сделать осторожный глоток – очень уж хотелось пить, но Дроздов резко стукнул ложечкой об столешницу, заставив гостя вздрогнуть.

– Полагаю, тебе известно, в каком ведомстве я занимаю

должность? – спросил он, буравя Стаднюка взглядом.

Тот кивнул и хотел усесться на стуле поудобнее, но, как он ни ерзал, спинка располагалась под таким углом, что приклониться к ней было решительно невозможно. Приходилось наклоняться вперед.

«При такой ванной не могли стульев нормальных поставить? – подумал Стаднюк. – Или это специально для допроса? На таком долго не усидишь».

– Так где я, по-твоему, работаю? – спросил Дроздов, отхлебывая чай.

– В НКВД, – сипло ответил Паша. Ему очень хотелось пить, но он не рискнул притронуться к стакану под прицелом дроздовских глаз.

– Ну что же, замечательно! – обрадовался хозяин. – Му чаешься, наверное, зачем попал в этот дом?

Паша пожал плечами.

– И чего вы все так боитесь НКВД? Советская власть строга с врагами. Это правда! – Максим Георгиевич поднял взгляд на портрет Дзержинского, висевший на стене за спиной. – Но честных граждан она защищает от происков мировой буржуазии. Стыдно, Стаднюк! Ты же комсомолец! Или чуешь вину какую за собой?

– Да нет, нет на мне никакой вины! – помотал головой Стаднюк и опять попытался удобнее устроиться на стуле.

– Ладно. Могу тебя успокоить – ты не арестован, – улыбнулся Дроздов и оскалился. – Что, легче стало? Тогда пей

чай-то. Пей, а то на тебе лица нет!

– Ага! – обрадовался Павел и снова потянулся к стакану, но энкавэдэшник опять прервал его вопросом:

– Твои фамилия, имя, отчество?

– Стаднюк Павел Миронович, – ответил Паша.

– Братья, сестры?

– Двоюродная сестра Стаднюк Варвара Александровна. Дочь брата моего отца.

– Проживаешь с ней вместе? – Дроздов бросал вопросы отрывисто, с такой интонацией, точно в том и состояла вина Павла, что он родился, что его зовут Павел Стаднюк и что у него есть кузина.

– Да. С ней проживаю, – начиная опять волноваться, отвечал Паша. – От отца ей досталась квартира на Петровском бульваре. Мы там живем вместе с дедом, ухаживаем за ним. Он не ходит, в Гражданскую контузило. А когда Вариного отца, сына его, убили, он так разнервничался, что его паралич разбил.

– Понятно. Женат?

– Нет.

– Любовница?

– Нет. Что вы! – воскликнул Паша. – Когда мне?

– Что-то не верится, – произнес Максим Георгиевич, глядя в Стаднюка. – Ладно, замнем для ясности, если нужны будут подробности твоей половой жизни, я тебя потом отдельно расспрошу. Поехали дальше. Какими болезнями бо-

лел?

– Инфлюэнца, корь, краснуха... – морща лоб, начал вспоминать Паша.

– Не тяни, – нахмурился энкавэдэшник.

– Десяти лет от роду получил контузию. Шальная белогвардейская пуля в голову.

– Осложнения были?

– Были... Из-за этого меня в экспедицию не берут. По здоровью.

– В экспедицию? В какую?

– Я хотел рабочим устроиться в географическую экспедицию. Открывать неизвестные места Земли. Как Варин отец.

– Н-да? – Дроздов сощурился. – А что со здоровьишком-то? Хотя... Постой! Побеседуй-ка об этом лучше с Евгением Поликарповичем. С нашим доктором. Что-то он задерживается.

Снова открылась одна из дверей, и в гостиную вошел человек, одетый в белый халат и шапочку, с саквояжем в руке. На носу его поблескивали очки.

– Приветствую, молодой человек! – кивнул он Павлу и направился к кушетке. – Пожалуйста сюда!

Повинуясь кивку доктора, Павел поднялся со стула и пересел на кушетку, а доктор тем временем зажег яркую лампу с рефлектором на ручке, которую вынул из саквояжа.

– Рот откройте, будьте любезны, – попросил он Павла. – Шире, шире.

Свободной рукой врач взял Стаднюка за подбородок и оттянул нижнюю челюсть.

– Зубы в порядке. Очень хорошо. Горло не обложено. Замечательно. Скажите «а».

– А-а-а, – послушно протянул Паша.

Вдруг он позеленел, и в глазах у него все поплыло. Он вспомнил, как у Вариного отца однажды обнаружил напечатанную на машинке статью некоего профессора Варшавского о психологическом воздействии обменного переливания крови, разработанного совсем недавно, в прошлом десятилетии, профессором Богдановым. Суть обменного переливания крови состояла в том, что если поменяться кровью старику и молодому, то молодой станет более опытным, а старый продлит себе жизнь. В этом было столько кровавой мистики, столько нечеловеческого, дьявольского, что становилось страшно. Варшавский описывал удачные и неудачные эксперименты с переливанием. Сам Богданов погиб во время одиннадцатого в его жизни переливания крови. Уж не в таких ли домах проводят подобные эксперименты? И из кого берут кровь?

– Следите за здоровьем? – продолжал спрашивать доктор.

– Ага, – не закрывая рта, ответил Паша. А когда доктор отпустил челюсть, добавил: – Физкультурой занимаюсь. Я все же надеюсь поправиться, чтобы меня в путешественники взяли.

– Так-так. Хорошо. Голову наклони вперед.

Евгений Поликарпович аккуратно ощупал Пашины макушку там, где когда-то была проломлена кость.

– Надо полагать, что это и есть та самая пуля? – спросил он.

– Да.

– Кость до конца не срослась, – сказал доктор, повернувшись к Дроздову. – Под кожей имеется небольшое отверстие. – И снова обратился к Паше: – Приступы бывают?

– Раньше были. Теперь очень редко.

– Ясно, – вздохнул доктор. – Штаны приспусти.

– Штаны? – краснея, переспросил Паша.

– Штаны-штаны! – кивнул доктор. – И с подштанниками вместе, что ты как красна девица? Оголи головку. Чего такой возбужденный? Прячь свое хозяйство. Давно был с женщиной?

– Не был, – коротко ответил Паша, торопливо застегивая ширинку.

– Как давно, спрашиваю! – наседал доктор.

– Никогда.

Евгений Поликарпович вздернул брови и, погасив лампу, выдернул ее из штепселя и уложил в саквояж.

– Вот как? Отчего же? – голос его смягчился. – Сколько тебе лет, кстати?

– Двадцать шесть.

– И что, ни разу? И не хотелось?

– Отчего же не хотелось? – нервно рассмеялся Паша. –

Хотелось! Что я, не как все, что ли? Так, что-то не сложилось.

– Может, он педераст? – задумчиво спросил Максим Георгиевич.

– Нет-нет! – замотал головой Павел. – Что вы! Просто некогда! Работа, ОСОАВИАХИМ, комсомольские собрания, дома дед все время!

Ни Дроздов, ни доктор не обратили внимания на его то-ропливые оправдания.

– Не исключено, – доктор ухмыльнулся. – Возможна латентная форма педерастии, невыраженная. Точнее, выраженная в неспособности построить нормальные отношения с женщиной. Об этом иногда говорит и эрекция при осмотре врачом-мужчиной. С другой стороны, при длительном воздержании эрекция может возникнуть от одного лишь прикосновения или просто от мысли об оголении. В общем, сейчас это с точностью установить невозможно, требуется наблюдение в течение недели, не менее.

В гостиной наступила тишина. Слышно было, как потрескивают в камине дрова.

– Недели у нас нет, – вздохнул Дроздов. – Ладно, опустим пока. Сейчас меня интересует в общих чертах, годится парнишка или нет?

– Если делать вывод согласно тем параметрам, на которых мне было приказано основываться, то из всех осмотренных мною образцов этот лучший, – ответил доктор.

– Понятно, – сказал Дроздов. – Ладно, можете быть свободны. А ты иди сюда, Стаднюк, присаживайся.

Павел вернулся за стол, ощущая себя попавшим в дурной сон.

– Ответь-ка мне еще на один вопросик. Маленький вопросик, но серьезный! – Змеиные глазки Максима Георгиевича вонзились Стаднюку в самое сердце. – На что ты готов ради трудового народа?

Павел сглотнул и негромко ответил:

– На все.

Конечно, на все! Готов он и на Северный полюс пойти, и в пустыню Гоби, и на Памир готов подниматься. На все готов! Кроме этого дурацкого переливания крови. Не нужна ему стариковская мудрость. Он хотел бы жить своей глупой молодой жизнью. А мудрости он бы лучше набрался сам. Постепенно.

– Знаешь, я тебе верю! – воскликнул Дроздов, откидываясь на спинку стула. – Тогда слушай. Дело серьезное. Секретное! Государственной важности! Партия поручила мне провести одну чрезвычайно секретную и невероятно важную операцию, в которой тебе отведена очень важная роль. – Дроздов сделал паузу. – Это будет важнейший для науки эксперимент. Всемирного революционного значения! Многие проходили отбор, но ты оказался самым подходящим. Партия надеется на тебя. И ты должен оправдать доверие Родины! Это большая честь и отличная возможность стать кан-

дидатом в члены ВКП(б). Понимаешь, о чем я? Поступишь в институт. Или в экспедицию устроишься. Хотел ведь, да?

– Да, – кашлянул Павел, обреченно вздохнул и наконец осмелился сделать глоток остывшего уже чая.

Он утвердился в мысли насчет переливания крови, и теперь его мучило только одно – выживет ли он после этого? А если выживет, то как все будет потом? Не сошлют ли его куда подальше, чтобы он не болтал лишнего? Непонятно только, зачем штаны снимать заставили.

– Так! Отличненько! – еще более оживился Дроздов, и глаза его заблестели. Он продолжил, придавая голосу вкрадчивую внушительность: – Но ты должен понимать, что выполнение миссии потребует от тебя основательных усилий и, главное, соблюдения высочайшей секретности. Ни одна живая душа, кроме нас с тобой, не должна знать ни обо мне, ни тем более о нашей беседе и обо всем, что за ней последует. Понял?

– Конечно, понял! – воскликнул Пашка.

– Ничего-то ты, Пашенька, не понял, – досадливо вздохнул Дроздов. – Ладно, пока этого от тебя и не требуется.

Дроздов взглянул на часы – они были 1-го часового завода, как у Павла, но не карманные, а наручные, с боковой секундной стрелкой. Такие в магазине не купишь.

– На сегодня разговоров достаточно! – подвел итог энкавэдэшник и повысил голос: – Машенька! Подготовь молодого человека ко сну.

– Да я еще не хочу! – возразил Паша, чувствуя накатывающую панику.

– Да кто ж тебя спрашивает, миленький? – усмехнулся Максим Георгиевич.

И Паша понял, что вся ласковость и вежливые словечки Дроздова – это просто такая форма насмешки, что он с такой же ласковостью ножик всадит в спину и спросит потом: «Не больненько?»

Открылась дверь, и Павлу ничего не оставалось, как пойти за Марьей Степановной. Она снова отвела его в ванную, где уже была набрана вода, и велела помыться целиком. Когда Стаднюк залез в воду, она брезгливо скомкала его одежду и спрятала в большой бак с крышкой. На вешалке возле ванной висела полосатая, как в больнице, пижама и полотенце.

– Помоешься, пижаму наденешь, – обронила Машенька.

Это еще больше утвердило его в мысли о переливании крови. А иначе зачем бы ему мыться целиком да еще надевать больничную пижаму?

Марья Степановна выходить из ванной не стала. Отвернувшись от Пашки, терпеливо ждала, когда тот закончит водные процедуры. Она следила за ним в зеркало, которое было напротив. Пашка понял это, наткнувшись на отраженный взгляд секретарши. Оттягивая время, он плескался, пока не остыла вода. Он поглядывал на фигуру Марьи Степановны и думал, что она – очень красивая и молодая женщина. Ну, может, на год или на два старше его.

Для чего она стояла в ванной комнате и следила за ним через зеркальце – Павел понять не смог. Может, чтобы не сбежал? Хотя куда бежать голому, зимой? Да еще когда во дворе караулит красноармеец с собакой?

Павел выбрался из ванны, вытерся и, с отвращением надев пижаму, обратился к Марье Степановне:

– А можно домой позвонить? Сестра волноваться будет!

– Кузине твоей уже сообщили, что ты на сборах ОСО-АВИАХИМа, – поворачиваясь, сообщила Марья Степановна. – Не волнуйся.

Она отвела его в спальню. Для этого опять пришлось пересечь гостиную, в которой, склонившись над столом, сидел Дроздов. Павлу снова бросилось в глаза сходство энкавэдэшника с Феликсом Эдмундовичем, портрет которого висел на стене, над головой Максима Георгиевича.

Спальной оказалась маленькая комнатка за одной из дверей гостиной. Совсем крохотная – там едва помещалась пружинная кровать с многочисленными блестящими шариками на спинке. У самой двери притулился стул, а между ним и кроватью – железная тумбочка, на которой стояли три темные склянki, графин с водой и стакан.

– Ну что это такое? – пожаловался Паша упавшим голосом, оглядываясь. – Ни книжки, ни журнала нету. А спать-то рано! Зачем же меня в кровать? Что я – больной? Доктор смотрел, сказал, что я здоров!

Он снова начал испытывать страх перед доктором и таин-

ственным переливанием крови, открытым ученым Богдановым. Хотя ничего нового-то тот и не открыл. Дядя, Варькин отец, рассказывал, что в Трансильвании была когда-то одна графиня, которая, пытаясь омолодиться, купалась в крови убитых девушек. Правда, профессор Богданов не убивал молодых людей, а только заменял их молодую свежую кровь на свою подержанную старую.

– А ты не рассуждай, а делай, что говорят. – Марья Степановна развела в воде десяток капель какой-то настойки и протянула Павлу. – На-ка выпей!

Павел выпил морщась, хотя почти никакого привкуса в воде не ощутил. Он хотел спросить, что это за микстура, но потом подумал, что все равно выпить придется. На вопросы же здесь обычно не отвечали.

– А теперь укладывайся. Руки клади поверх одеяла, так, чтобы я их видела. Я тут с тобой посижу. Максим Георгиевич сказал, что тебе сегодня непременно надо спать, так что спи. Не любит он, когда перечат.

– А руки-то зачем? – спросил Павел, недоумевая.

– Так Максим Георгиевич велел, – присаживаясь на стул, вздохнула Марья Степановна и уставилась на Павла так, словно он был картиной в ГМИИ им. Пушкина.

– Марья Степановна, – обратился к ней Пашка. – А можно спросить про Дроздова? Я вот в сапогах ноги чуть не отморозил, а он в туфлях лаковых ходит. И не холодно ему? Он что, особый какой? Какие-то средства особые знает, чтобы

не замерзать?

– В НКВД все особое, – сообщила Машенька. – Железные люди. Не болтай, коли неприятностей не хочешь.

И Павел вскоре провалился в сон. Но и во сне страх не оставил его, а бродил где-то подле изголовья.

ГЛАВА 2

27 декабря 1938 года, вторник.

Москва, Сокольники

– Соедините меня с товарищем Свержиным, – произнес Дроздов в трубку стоящего на столе телефона.

– Свержин слушает, – ответил на другом конце суховатый мужской голос.

– Это Дроздов, Матвей Афанасьевич. Я закрыл вопрос по делу Громова.

– Очень хорошо. Тогда завизируй последнюю папку, – лениво произнес Свержин. – Только перечитай ее повнимательнее напоследок. Чтoб не упустить чего важного.

Дроздов обращался к Свержину на «вы», а тот по-отечески тыкал, хотя старше был ненамного. Это была его особая манера подчеркивать положение во власти – кто выше, тот и тыкает. Дроздов помнил, как даже пожилая няня называла его на «вы», поэтому тихо злился на крестьянские манеры начальства.

– Будет сделано, товарищ Свержин, – нехотя сказал Дроздов и про себя обозвал начальника мужланом.

Они были знакомы давно, еще с Нижнего Новгорода. Свержин происходил из крестьян. Он приехал в город из какой-то деревеньки и работал в магазине отца Дроздова. А

Дроздов, учившийся тогда в Питерском университете, как раз гостил у стариков. Так они со Свержиным и познакомились. В этом были свои неудобства, но и преимущества тоже были.

Положив трубку на рычаг, Дроздов не спеша выдвинул ящик стола и, достав оттуда потертый тульский «наган», сунул его за пояс.

– Перечитай повнимательнее, – буркнул он, передразнивая начальника. – Перечитаю! Перечитаю! До чего же смешна эта доморощенная пролетарская конспирация.

Он нажал под столом кнопку вызова водителя и, шагнув к спальне, где уже посапывал Стаднюк, заглянул внутрь.

– Спит? – негромко спросил он.

– Спит-спит, – закивала секретарша. – Сразу уснул. Слушается беспрекословно.

– А куда ему деваться? – ухмыльнулся Дроздов и погладил себя по бородке. – Глаз с него не спускай! Главное, чтобы не рукоблудил. Если сама стесняешься смотреть, в туалете там или еще где, вызывай Евгения Поликарповича. Пусть на табуреточку станет и в окошечко подглядывает. Поняла? Но за то, чтобы Стаднюк не уединялся ни на секунду, отвечаешь именно ты. Так-то, Машенька!

– Обязательно, Максим Георгиевич, – кивнула секретарша, расправляя складки на коленях.

– Тогда все. Я отлучусь скорее всего до завтра. Работы много. Враги Советской власти не спят!

Одевшись, Максим Георгиевич миновал двор. Не глянув на красноармейца, охранявшего вход, протиснулся в калитку и уселся на переднее сиденье еще не полностью прогретой «Эмки».

– Не положено вам спереди, Максим Георгиевич, – попробовал возразить водитель. – Худое место в случае чего.

– Крути баранку, Сердюченко, и помалкивай! – повысил голос Дроздов. – Сложные дни сейчас, не время о собственной шкуре заботиться. Поезжай!

– Куда ехать-то?

– Я же сказал! В Долгопрудный.

– Сказали? – удивился водитель, но, напорвшись на стеклянный взгляд шефа, поправился: – Виноват, не расслышал! Мотор работает. Долгопрудный – это «Дирижабли», что ли?

– Эх, темнота деревенская! «Дирижабли»... Ты бы еще поезд чугункой назвал! Нельзя, Сердюченко, быть таким ретроградом. Советская Республика рвется в светлое будущее, а тебя все назад тянет. Да, чуть не забыл! По дороге свернешь к моей даче.

Насчет «чуть не забыл» Дроздов покривил душой. На самом деле сегодня он целый день разрывался между трех точек пространства. Первую он сейчас покидал, оставляя там спящего Павла Стаднюка. Еще две – Долгопрудный и дача – были впереди. И в обоих местах его ждали неразрешимые задачи, которые следовало решить – решить срочно и во что бы то ни стало. Иначе все пропадет. Иначе ему в этой во-

нючей стране плюхаться до гробовой доски и терпеть тыканье Свержина. Молоть чушь про мировой пролетариат и светлое коммунистическое будущее, терпеть невымытых тупых баб, с которыми без водки невозможно общаться, дебиловатых Стаднюков, толстожопых увальней Сердюченков. Трястись каждую минуту – не подставит ли кто, не стуканет ли! И самому подставлять, стучать, сдавать... Это как езда на велосипеде: остановишься – упадешь. А ехать надо.

Дроздов давно мог бы разгуливать по Парижу, улыбаться милым французским дамочкам. Никакого тебе коммунизма. Никаких тебе пролетариев. Нет, там они тоже есть, но они работают на заводе и не пытаются управлять страной.

Управлять страной должны дворяне, хотя бы просто богатые люди, думал Дроздов, вспоминая нижегородское детство, магазин отца и многочисленное сытое семейство Дроздовых. Максим Георгиевич все чаще жалел, что из глупого юношеского бунтарства связался с революционерами. Но тогда ему казалось, что как раз они со Свержиным и поднимутся к самой вершине власти. Однако Гражданская закончилась, и государство начало потихоньку сжимать стальные пальцы. И почему-то Дроздова в то общество, которое оказалось у рычагов управления, не взяли. А вот Свержин вдруг оказался над Дроздовым. Хорошо, что Максим Георгиевич сразу «забыл», что хорошо знаком с начальником, а то бы...

– Увязнем, – пробурчал Сердюченко. – Дача шибко уж в стороне от дороги.

– Я тебе увязну, – оскалился Дроздов. – Под трибунал отдам, так и знай.

Водитель умолк и тронул машину с места. Метель все кружила и кружила, занося ночную Москву. Желтый свет фар с трудом пробивался через снежные вихри.

За городом вывернули на едва заметный проселок, и «эмка» тяжело поползла вдоль леса по пробитой полуторками колее. Водитель чуть слышно ругался, стараясь уберечь колеса от пробуксовки. Иногда сквозь урчание мотора слышалось завывание вьюги. Ветер толкал машину, и снег, пробиваясь в салон сквозь грубые стыки дверец, со стеклянным звоном сыпался на колени. Дроздов обернулся и достал с заднего сиденья тулуп.

– Папиросочки нет у тебя, Сердюченко? – спросил Максим Георгиевич, закутав ноги, одетые в лаковые ботиночки.

– Та вы ж не курите, товарищ Дроздов, – не отрываясь от дороги, ответил водитель.

– Твоя правда. Ладно, езжай, езжай, а то и впрямь увязнем. – Дроздов в нетерпении сжимал и разжимал челюсти и постукивал под тулупом ногой.

– Если надо расслабиться, у меня спирта есть трошки. Чистый, медицинский, – осторожно предложил Сердюченко.

– Откуда?

– Та у меня ж жинка в больнице работает! – акцента в речи Сердюченко почти не осталось, но иногда он употреблял украинские слова.

– А то я не знаю, кто у тебя жена. Допрыгаешься ты с ней, Сердюченко, до расстрельной статьи. А узнает кто-нибудь, что она спирт ворует?

– Та я ж только вам! – простодушно воскликнул водитель.

– Доверяешь? – удивился Дроздов. – Надо же! Хотя один человек мне доверяет. Ну, спасибо, спасибо!

– Кому тут еще доверять, если не вам, товарищ Дроздов? Вы же и кормилец мне, и поилец!

– Эти разговорчики ты тоже оставь! – сурово одернул его Максим Георгиевич. – Чай не в стае волков, а в Народном комиссариате. Кормит тебя и поит Советское государство, а не я. Понял? Где твой спирт?

Не отрываясь от дороги, Сердюченко достал из кармана шинели плоскую фляжку и протянул начальнику. Дроздов отвернул колпачок и сделал крупный глоток. Закашлялся, смахнув каплю с бородки.

– Без запивки и медицинский плохонько идет, – поморщился он, возвращая фляжку. – Но лучше, чем ничего.

«Эмка» въехала в темный дачный поселок и остановилась возле рубленого двухэтажного терема.

– Подожди меня здесь, – обронил Максим Георгиевич, выбираясь из машины. – Мотор не глуши.

Он взобрался на крыльцо, отпер дверь и, чиркнув спичкой, запалил лампу. В комнате, кряхтя и ругаясь, Дроздов закатал угол ковра и поднял крышку люка. Затем достал «наган» и подкрутил фитиль лампы, чтобы добавить огня.

Из подвала крепко потянуло затхлым человеческим духом. Дроздов брезгливо отвернулся.

– Эй, Богданчик, чего молчишь? – энкавэдэшник отступил на шаг от темного проема. – Ты жив там еще? Богдан Громов, твою мать!

– Не тебе мою мать вспоминать, – донесся снизу приглушенный, но все еще дерзкий голос пленника, оборвавшийся тяжелым кашлем. – Не прикасайся к имени моей матери своими грязными губами!

– Если у кого и грязные губы, так это у тебя, – зло усмехнулся Дроздов. – Вонища-то какая! Даже здесь, наверху, чувствуется. Как в казарме! Поди-ка сюда, стань под люком. Покажи свою образину, мне по поводу тебя указания дали.

– Хочешь посмотреть на меня, сам полезай вниз, – прокашлял в подвале Богдан.

– Дурачок ты. – Дроздов вздохнул, изображая сожаление. – Я-то приехал побеседовать с тобой по-человечески, а ты... Тварь неблагодарная!

В ответ Дроздов услышал молчание.

– Послушай, идиот! – разозлился он. – Мне нужно знать все в точности! Понятно? Иначе я буду отрезать от тебя по кусочку в час, пока не расколешься!

– Если хочешь узнать, спустишься вниз, – сообщил Богдан. – Хотя бы для того, чтобы меня разрезать.

– Ну, черт с тобой! – рявкнул Дроздов. – Спустишь. Ты сам этого хотел.

Он принес из кухни узкую деревянную лесенку и утопил ее в темном квадрате люка. Освещая путь лампой, энкавэдэшник начал спускаться в подвал, морщась от дурного запаха.

В свете керосинки проступили земляные стены, несколько бочек с прокисшим огуречным рассолом и довольно большая яма, вырытая в полу. Возле нее кутался в драное одеяло отощавший до костей мужчина. На его впалых щеках проросла двухнедельная борода, в черных глазах, казавшихся огромными на отощавшем лице, полыхал огонь безумия.

– Подкопчик роешь? – усмехнулся Дроздов. – Слава графа Монте-Кристо спать не дает? Тут тебе не замок Иф, отсюда не выберешься.

Держа «наган» у бедра, он поставил лампу на одну из бочек, сорвал с пленника одеяло и зло вышвырнул из подвала приспособленную Богданом для рытья доску.

– Кушать, поди-ка, хочется, а? – юродствовал Дроздов. – Сколько же дней, как еда кончилась?

– Здесь день от ночи не отличишь, – спокойно проговорил пленник. – Давно кончилась.

– Значит, хочешь кушать-то? – Дроздов присел перед Грозовым на корточки и впился взглядом в почерневшее, обросшее лицо. – Итак! Повтори мне, коллега, будь так любезен, что ты говорил про гору? Это должна быть какая-то особенная гора. Определенной высоты? Может, порода камня имеет значение? Говори! Я спустился! Ответишь, получишь

пожрать.

– Нет. Не отвечу, – покачал головой Богдан. – Не вижу смысла.

– Ладно, я тогда сразу к делу, – снова завелся Дроздов. – Идет? Для начала я тебе прострелю ноженьку. Потом дру- гую, потом до рученок дело дойдет. Пока не увидишь смысл.

– Бога не боишься, убийца? – поднял опущенные веки Богдан и обжег Дроздова пылающим взглядом. – Бог-то твой православный не простит убийства! А? Чужой-то простил бы, а свой не простит! Что с твоей вечной душой будет?

– Души, по новым понятиям, нету, – оскалился Дроздов, вытаскивая «наган». – Одни тела! А тело что? Прах! За него и греха нет никакого. Из праха вышли, в прах вернемся.

– Не пугай меня, Дроздов. «Наган» у тебя отобрать, сам от страха умрешь. Тебя, если что, я и мертвый в могилу сведу! Тебя ведь расстреляют, если ничего не скажу?

– Не расстреляют! – торжествующе поднял оружие Максим Георгиевич. – А вот я тебя точно убью, если будешь мол- чать.

– Так чего тянешь? – усмехнулся Богдан. – Стреляй сразу. Дроздова это взбесило.

– Сразу не получится, только по частям, – Максим Геор- гиевич вздохнул. – Вынуждаешь ты меня. А я человек ведь тонкий. Образованный. Мне чужие мучения страдание до- ставляют.

Богдан надменно скривил губы.

– Что ты губешки морщишь? – взвизгнул Дроздов, взвел «наган» и выстрелил Громову в бедро.

Пламенем из ствола шарахнуло так, что на пленнике вспыхнули ватные штаны. Максим Георгиевич затоптал пламя, наступая прямо на Богдана, не обращая внимания на громкие стоны раненого, и отошел на пару шагов.

– Первый блин комом, – вздохнул он. – Попробуем еще?

Богдан корчился на полу. Тихо шипя от боли, он обхватил руками простреленное бедро, ткань штанов пропиталась кровью и перестала тлеть.

– Я ничего не скажу... – простонал пленник и, оскалившись, словно загнанный в угол волк, начал бросать в лицо Дроздову короткие резкие фразы. – А тебе все равно не спастись! Ты ж не веришь в материализм! Не веришь! Я вижу! Я еще в церкви заметил, когда мы с тобой в первый раз встретились. Боялся ты меня на алтаре допрашивать, а? В подвал уволок! Все вы пытаетесь верить, что атеисты. Но только вместо Бога вами правит страх! Мелкие, жалкие людишки. Раньше за вас Бог все решал, а теперь – страх!

Дроздова окатило холодной волной, и слово «страх» закрутилось в мозгу, сбивая дыхание и вызывая желание спрятаться, убежать, пойти в церковь покаяться. И это привело Максима Георгиевича в ледяную беспощадную ярость, при помощи которой он всегда справлялся со страхом.

– Решил красиво подохнуть? – зло прошипел Дроздов. – Не получится. Я тебя здесь спалю, как сурка в норе!

Дрожа от гнева и страха, он вскарабкался по лесенке, швырнул вниз полную керосина лампу, закрыл люк и трижды выстрелил из «нагана» сквозь доски. Потом чертыхнулся и пальнул еще два раза.

«Хватит мне и того, что ты рассказал», – подумал он, в темноте пробираясь к выходу.

Через пробитые пулями дыры в потолок ударили три луча от разгоравшегося в подвале пожара. Добравшись до машины, Максим Георгиевич торопливо устроился на переднем сиденье и с силой захлопнул дверцу.

– Поехали, Сердюченко. И дай мне спирту еще. Черт!

«Эмка» развернулась, въехав задом в сугроб, и медленно покатила в сторону проезжей дороги. Через минуту снег озарился оранжевыми сполохами огня, вырвавшегося через окна дачи.

– Терем горит! – испуганно обернулся водитель.

– Езжай вперед, Сердюченко! Вперед! – заорал Дроздов. – Езжай! И чтоб ни одна живая душенька не прознала, что мы здесь сегодня были. И сам забудь, что видел! Понял?

– Понял, чего ж тут не понять, – согласился шофер.

– Хорошо. Отличный ты водитель. Премию тебе выпишу. Только не увязни тут! Даже не вздумай увязнуть!

Перед выездом на дорогу забуксовали, но Сердюченко, отбросив на затылок фуражку и утирая пот, все же вывел машину из прорытых колесами ям.

– Так что? – спросил он. – В «Дирижабли»?

– Да, – ответил Дроздов. – Знаешь там камнеобрабатывающий завод? Вот туда и гони.

Водитель тронулся в сторону Долгопрудного, украдкой бросив взгляд на полыхающий терем. Мотор «эмки» взревел, набирая обороты, Сердюченко переключился на третью передачу и все внимание перенес на дорогу.

– Под прошлый Новый год совсем снега не было, – вздохнул он. – А нынче во как завалило. Прямо беда.

– Запивки что, совсем никакой нет? – поморщился Максим Георгиевич, отворачивая колпачок фляжки.

Только что выпитая порция спирта уже растеклась по жилам горячей размягчающей волной. И захотелось еще, чтобы уж совсем стало хорошо. Все! Покончено с этим чертовым Богданом. Покончено! Только теперь Дроздов признался себе, что пленник, голодный и бессильный, напугал его. Максим Георгиевич представил себе, как гордец Громов сейчас ползает, вереща, по подвалу, и кашляет горячим дымом, и кожа на нем поджаривается и лопается, выпуская вскипающую от огня кровь. И злорадно усмехнулся. Так ему!

Сердюченко что-то сказал, но Дроздов не расслышал. Ненависть ко всему, что его окружало, росла в нем с бешеной скоростью.

«Бежать! Бежать! Это все из-за них. Из-за большевиков...» – подумал он и чуть не выругался вслух. И сам испугался того, что слово сорвется с губ, а Сердюченко возьмет и стукнет наверх.

– Так что? Нет запивки? – повторил Максим Георгиевич.

– Не-е! – помотал головой Сердюченко. – Я же сказал. Была бутылка с водой под сиденьем, да лопнула от мороза, пока машина стояла.

Под рев мотора энкавэдэшник глотнул, закашлялся и захрипел, заворачивая крышку. Снег пошел гуще, и пришлось снизить скорость, так что к камнеобрабатывающему заводу подкатили, когда часы Дроздова показывали полночь. В закрытых воротах подывал ветер, в сторожке горел электрический свет.

– Посигналь, – приказал Максим Георгиевич.

«Эмка» трижды крякнула клаксоном, дверь сторожки распахнулась, выпустив облако пара и худого охранника в длинном тулупе. Он молча отпер замок и впустил машину на территорию завода, внимательно рассмотрев пропуск.

– Заведешься на морозе-то, а, Сердюченко? – спросил Дроздов, открывая дверцу.

– Постараюсь. А коль чего, так сторож поможет толкнуть.

– Тогда глуши мотор. – Он сунул руки в карманы и спросил у охранника: – Где начальник?

– У себя в кабинете. Сегодня завод не работает, но он там. Ожидает.

– Проводи.

– Не могу я пост покидать.

– Твою мать! – рассвирепел энкавэдэшник. – А ну быстро веди, не то я тебя прямо здесь расстреляю! Или в лагерях

сгною. Не понял, что ли, с кем разговариваешь? Распоясались!

Они прошли через главную проходную и поднялись по темной лестнице в административную часть. Максим Георгиевич пнул дверь кабинета, через которую пробивалась полоска света. Сторож поспешил вернуться на пост.

– О! Товарищ Дроздов! – подскочил из-за стола пухленький низкорослый человечек с белой опушкой вокруг блестящей лысины. – Очень рад вас видеть! Присаживайтесь, я сейчас чай поставлю...

– Водички дай, – энкавэдэшник опустился на стул и распахнул каракулевое пальто. Шапку, осыпанную крупой таящего снега, он бесцеремонно бросил прямо на стол.

– Что? – не понял начальник.

– Воды, твою мать! Простой воды, в стакане!

– А! Сейчас-сейчас! – Хозяин кабинета засуетился, бросился к графину, налил полный стакан и протянул гостю.

Дроздов достал фляжку и смешал спирт с водой. Выпил, поморщился, налил еще стакан воды и запил. Щеки его покраснелись, как от долгого бега на лыжах.

– Образцы приготовил? – Он утер рукавом выступившую слезу.

– Конечно! Вот они, Максим Георгиевич. – Начальник услужливо достал из стола четыре небольших каменных плитки разных цветов и разложил на столе перед энкавэдэшником. – Очень хорошие образцы. Лучшие. Мы такие ис-

пользовали для отделки метро.

– Да плевать мне, на что вы их там использовали. – Дроздов взвесил на ладони каждую плитку. – Лучше скажи мне, в природе где такие камушки встречаются?

– В смысле? В каких регионах? – осторожно уточнил толстячок.

– Что за идиотов назначают в начальники производства! Я спрашиваю, в каких местах добывают подобные камни. В горах, в низинах, в болотах? Где?

Хозяин кабинета сглотнул и присел на краешек стула.

– Ну, что касается мрамора, то это по сути крепко слежавшийся известняк. Он образовался на дне древних морей. Гранит же имеет более плотную, вулканическую структуру. Эти образцы гранита из Ленинграда.

– А что у вас есть из высокогорных пород?

– Смотря о каких горах идет речь, – глаза начальника снова забегали от неуверенности и страха.

– Я же сказал! О высоких!

– Памир, Тибет?

– Ну, допустим, Тибет, – изображая равнодушие, уточнил Дроздов.

– Ну, там иногда встречаются базальтовые слои.

– Тибет. Так-так, – Дроздов побарабанил пальцами по столу. – А у вас есть базальт?

– Нет, – начальник цеха покачал головой и шмыгнул курносым носом. – Это же не отделочный камень, Максим Ге-

оргиевич!

— Ладненько. — Дроздов добавил в голос металла и вонзился взглядом в мягкое добродушное лицо заводского управленца. — Даю срок до завтрашнего вечера. Можешь объявлять аврал, тревогу, что угодно. Но завтра к семи часам вечера мне нужен базальтовый куб. Примерно вот такого размера. — Максим Георгиевич развел руки чуть меньше метра. — И еще один вот из такого гранита. Бывает гранит в горах?

— Бывает, — толстячок озадаченно потер нос.

— Ну вот и отличненько! Так и порешим. Два кубика, значит, к завтрашнему вечеру. Один из базальта, другой из гранита. Постарайся не привлекать к этому делу лишних трудящихся. Списочки участников передашь мне вместе с готовой продукцией. И еще: позвони утром в аэроклуб Пантелееву, узнай точный размер граней. Он скажет вернее меня. Все понятно?

— Да, товарищ Дроздов! Понятно, — начальник камнеобрабатывающего завода наклонил голову. — Только где же мне взять базальт?

— Закажи в срочном порядке! — небрежно посоветовал Максим Георгиевич. — Дай бланк заказика, я завизирую от себя. Так пойдет быстрее.

Хозяин кабинета порывлся в папке, дрожащей рукой протянул нужную бумажку и чернильницу с пером.

— Вы меня не поняли, товарищ Дроздов, — упавшим голосом сказал он.

Но Дроздов пропустил слова толстячка мимо ушей. Он и сам знал, что базальт в Москве найти не так просто. Но! Страх – это страшная сила. Он заставит толстяка вывернуться наизнанку, но в конечном итоге найти этот чертов минерал.

– Гляди, расписываюсь на чистом бланке, – заявил Дроздов. – Так что, кроме базальта, можешь вписать еще что-нибудь, для себя. Понял?

– Да понял я, конечно...

– Тогда все! – не давая ему опомниться, Дроздов резко поднялся со стула. – Проводи меня до машины, а то на ваших лестницах черт ногу сломит. А, кстати, раз уж мы бланк все равно извели, добавь туда малахит для изготовления чернильного приборчика, а то у меня в кабинете такая дрянь... Нет, давай, я сам напишу, а то забудешь.

Дроздов обмакнул перо в чернильницу и вписал: «Малахит на чернильный прибор». Бросив ручку на стол, он первым покинул кабинет, начальник засеменил следом, кряхтя и потея.

– Заводи аппарат, Сердюченко! – приказал Максим Георгиевич, распахнув дверь проходной.

Увалень Сердюченко бросил окурочку в снег и кинулся к заводной ручке «эмки». Он крутанул ее несколько раз, и мотор затарахтел. Из выхлопной трубы повалило сизое облако.

Дроздов уселся на переднее сиденье.

– Мы с тобой ездили к Пантелееву или это было с Игна-

тьевым? – спросил он у водителя, когда тот ввалился в кабину.

– Так вместе мы ездили, Максим Георгиевич. Было такое дело.

– Тогда погнали туда. Да поживее! Не спи, Сердюченко, а то премию проспишь.

Водитель включил фары, дал задний ход, машина развернулась, выкатилась за ворота и вскоре пропала за пределами освещенного прожекторами пространства.

Директор завода еще потоптался на снегу и в сердцах плюнул.

Он вернулся к себе в кабинет, сел за стол и уставился в накладную, подписанную Дроздовым.

– И что теперь делать? – вслух спросил он. – Базальт ему подавай. Накладную завизировал. И где же я этот базальт возьму? Да еще кубище такого размера? Черт бы его побрал! Где же я возьму ему этот хренов базальт?

Директор дотянулся до сейфа и вынул оттуда непечатую бутылку водки.

ГЛАВА 3

28 декабря 1938 года, среда.

Москва, Петровский бульвар

Луч утреннего солнца проникал в окно через сизую пелену папиросного дыма. Седой высохший старик, укутанный пледом, сидел в инвалидном кресле с велосипедными колесами. Он жевал губами картонную гильзу помятой папиросы и елозил тусклыми глазами по предметам обстановки – по старенькой мебели, по цветочным горшкам на окне, по старым географическим картам, во множестве висящим на стене. Тишину комнаты нарушало редкое покашливание старика и громкий стук часов с гирьками.

Из другой комнаты вышла девушка лет двадцати четырех, в сером платье из плотной шерсти. Шея ее была повязана темно-синим платком с белым узором клинописи, а волосы были подстрижены коротко, до плеч – по последней моде. Они сами завивались внутрь, хотя некоторые модницы подкручивали кончики горячими щипцами. Но Варвара не была модницей. После того, как погибли родители, на ее плечи свалился парализованный дед и брат, контуженный в детстве выстрелом из винтовки.

Варвара не знала, зачем живет. В детстве она мечтала заниматься какой-нибудь наукой, как отец. Общаться с инте-

ресными умными людьми. И, конечно, быть счастливой. Но отец, а потом мать погибли, и жизнь Вари резко изменилась. Она закончила ФЗУ, а потом устроилась на фабрику, чтобы получить направление в институт, но так и осталась рабочей.

Варвара с укоризной посмотрела на деда, взобралась на табуретку и начала подтягивать гири настенных часов. Цепочка торопливо затрещала.

– Очень много вы курите, дедушка, – сказала она. – Со всем ведь дышать нечем.

– А ты отвори окно, – прокрихтел дед.

Варя мягко соскочила с табуретки.

– Зима на дворе, какое может быть окно? Сегодня солнце вышло, наверняка мороз стал крепче вчерашнего. Вы дома все время, дедушка, оттого забыли, что зимой холодно бывает!

– А с чего это ты не на фабрике? – прокрипел дед, подозрительно оглядывая внучку.

– У меня отгул за две ночные смены, дедушка.

– А куда нарядилась-то? По дому работы мало, что ль? Хвостом крутить небось! Только не вздумай в дом кого привести!

– Нет, дедушка, – Варвара усмехнулась. – Не бойтесь, не приведу. Но мне надо бежать, есть очень важное дело.

– Какие у тебя важные дела, пигалица? А обед-то кто готовит? Ишь! Важная она стала!

– Я соседку, тетю Веру, попросила, она за вами присмот-

рит, – крикнула деду Варя, направляясь в прихожую.

– А Павка-то где? – спросил дед, заскрипел колесами инвалидного кресла и вскоре возник в проеме прихожей.

– На сборах Павлик, – сказала Варя, надевая пальто. – Я вот хочу сбегать в ОСОАВИАХИМ, узнать, далеко ли его направили. Может, ему надо что, а то ведь даже домой не зашел. Мороз-то какой!

Старик пожевал потухший окурок и, подозрительно оглядевшись, спросил:

– А почему мы в другую квартиру переехали?

– Никуда мы не переехали, бабушка! Что вы мелете? – раздраженно ответила внучка, надевая вязаную шапку и поправляя платок на шее. – Вы уже вчера спрашивали.

– А где же тогда моряки?

Варя знала, что, когда с дедом случается приступ маразма, лучше ему поддакивать, а не спорить.

– Скоро придут моряки, – ответила она. – Ружья почистят и придут.

Она сунула ноги в сапожки и распахнула дверь в подъезд.

– А у моряков-то нету ружей, у них винтовки, – пробормотал старик.

Варя с облегчением захлопнула дверь, дважды провернула ключ и позвонила в дверь к соседке.

На трамвае Варя добралась до Арбата, хотела застать по-другу Анечку, у которой тоже был отгул, но той не оказалось

дома. Нехорошее предчувствие, возникшее с самого утра, не оставляло ее, но ужасно не хотелось ходить одной по кабинетам мелких начальников, выпрашивая про Павку. Унизительно как-то, а если вдвоем, то не так. Но Анечки нет, а идти придется – вдруг брату что-то понадобится? Надо хоть узнать, где он. Если скажут, конечно.

Купив в метро красный билетик за тридцать пять копеек, Варя доехала до «Дзержинской» и поспешила к секции ОСОАВИАХИМа, где занимался Павел. Нужно здание было всего в двух кварталах, но Варя замерзла на ветру в легком пальтишке. Она торопливо семенила по хрустящему снегу, закрываясь от ветра рукой в рукавичке. Достигнув наконец нужного подъезда, девушка потянула на себя тяжелую дверь и стряхнула снег, приставший к подошвам сапожек.

В вестибюле ОСОАВИАХИМа громко играло радио – бодрые громкие марши колыхали холодный воздух.

– Куда, барышня, собралась? – спросил седой вахтер, надевая очки с толстыми стеклами.

– Здравствуйте! Я – сестра Павла Стаднюка, мне бы кого-нибудь из начальства, хочу узнать, куда брата направили.

– Ишь какая шустрая! Начальство ей подавай, – проскрипел дед. – Погоди, не так скоро. Чья ты, говоришь, сестра?

– Павла Стаднюка.

– Как твое имя?

– Варвара. Меня зовут Варвара Стаднюк.

– Погоди-погоди. – Вахтер повертел ручку большого дере-

вянного телефона. – Не велено мне кого попало пускать. Алле! Пахомыч говорит. Здесь барышня просится, мол, сестра какого-то Стаднюка. Варвара. Да. Понятно. – Он положил трубку и строго глянул поверх очков. – Ладно. Поднимешься на второй этаж и по коридору сразу налево. Во вторую дверь постучишь, там будет товарищ Андрей. Все поняла? – Старик подозрительно зыркнул на нее поверх толстых линз.

– Да, – ответила Варя и заспешила по лестнице.

Пробежав по гулкому коридору, она с тревогой в сердце толкнула вторую налево дверь и заглянула в кабинет.

– Товарищ Андрей? – спросила она.

– Угадала! – улыбнулся хозяин кабинета. – А ты – Варвара? Варвара Стаднюк? Проходи!

Товарищ Андрей оказался чуть старше ее. Впустив гостью в кабинет, он благожелательно улыбнулся, окидывая Варю с головы до ног возбужденным взглядом.

– Ну что, Варвара Стаднюк? – Товарищ Андрей указал на ряд стульев возле стены. – Хочешь чаю с сахаром? Замерзла, наверное? Да ты присаживайся!

– Нет. Спасибо! Я постою лучше. – После холода чаю очень хотелось, но Варя отрицательно покачала головой и потупила глаза. – Я на минуточку. Узнать только, далеко ли отправили Павла Стаднюка.

– Далекое, – товарищ Андрей шлепнул ладонью по столу. – Далекое! Куда – государственная тайна. Но ты не волнуйся, у них там есть все, что нужно. К тому же это не курорт, а

военные сборы.

– А нельзя ли передать что-то? Или узнать, надолго ли они?

– Да ты присядь, присядь! Не торопись! – сказал Андрей. – Чего испугалась?

– Нет. Ничего... – Варя двинулась к стульям, стоявшим в ряд у стены, и напряженно присела на краешек одного из них.

– Посиди минутку, мне надо решить один важный вопрос. Товарищ Андрей торопливо покинул кабинет, оставив Варю в полном недоумении. Впрочем, мало ли зачем ему нужно выйти?

Варя огляделась и расстегнула пальто, чтобы быстрее согреться в хорошо протопленном помещении. Она томила тревожной неизвестностью, разглядывая от скуки блестящие осовиахимовские кубки, расставленные на полках стеклянной витрины.

Вернулся Андрей минуты через три.

– А надолго это все? – снова спросила у него Варя.

– Недельки на две. Ты так волнуешься, будто мама Павлу, а не сестра. Давай все же попьем чаю. Да ты скинь пальто, а то как неживая. Так я тебе наливаю?

Товарищ Андрей взял графин, налил воды в два граненых стакана и, сунув в один из них кипятильник, включил штепсель в розетку. Из тумбочки он вытащил сахарницу и со стуком поставил ее на стол.

Варя испуганно следила за жилистыми руками хозяина кабинета и не понимала, почему так все сложно. Разве нельзя было заранее предупредить? Она бы помогла брату собраться по погоде.

Товарищ Андрей перекинул кипятильник во второй стакан.

– Давай, Варварочка! – пригласил он, насыпая заварку в закипевшую воду. – Подвигайся к столу. А то мне как-то неудобно одному, а я все равно собирался.

– Нет! Спасибо, товарищ Андрей! – Варя не нравилось, с какой настойчивостью товарищ Андрей пытается оставить ее в кабинете. – Я лучше пойду!

Она решительно запахнула пальто и начала застегиваться.

– погоди-погоди, – вкрадчиво остановил ее молодой человек. – Я, знаешь, о чем подумал? Вот перед самыми праздниками в лагерь, где сейчас Павел, поедет машина, так можно бы и тебе махнуть туда! Если хочешь, конечно... Давай посидим, подумаем, как это лучше устроить. Да и я уже тебе заварил! Не выбрасывать же!

Он окинул девушку влажным взглядом и задержал его на коленках, торчащих из-под полы пальто.

– А вы и второй стакан сами выпейте. Вон холодища-то какая! Не пропадет, – сказала Варя.

– Останься, – жестко сказал Андрей, приближаясь к девушке. – Будем пить чай, и точка! Я сказал! Никуда ты не пойдешь!

Варя напряглась еще сильнее, но подчинилась. Вступать в открытый конфликт было опасно, она это понимала, так что бегство и визг следует приберечь на самый крайний случай.

– Не могу же я тебя отпустить без чая, – фальшиво-гостеприимным тоном произнес он. – Замерзла ведь!

– Да незачем беспокоиться, – упрямо повторила Варя. – Если у него есть все необходимое, то я там ни к чему. К тому же у меня смена на фабрике. Я побегу.

Она опять попробовала встать.

– Постой! – снова повысил голос Андрей. – Погрейся хоть немного. Куда тебе спешить? Ты что, боишься меня? Я же не враг народа. Или ты не доверяешь представителю ОСОАВИАХИМа?

Варя молча опустила глаза.

– Кстати, знаешь, я ведь могу тебя от сегодняшней смены на фабрике освободить. Выдам справку от ОСОАВИАХИМа, все чин по чину. А? – Андрей подмигнул. – А сами махнем в кино. Как тебе? Хочешь сходить в кино?

– Ой, да какое может быть кино, товарищ Андрей! – Варя решила прикинуться дурочкой. – В цеху работы невпроворот! Кто будет делать? И вообще, засиделась я тут, да и согрелась давно. Побегу. У меня дед парализованный дома, какое мне кино! Вы уж простите.

– Постой! – товарищ Андрей кинулся наперерез и хотел схватить Варю за локоть, но она успела увернуться.

– Нет, спасибо! Извините, товарищ Андрей!

Варя распахнула дверь и с облегчением выскользнула в коридор. На лестнице не удержалась, заплакала. Она предстала, что было бы, если бы товарищ Андрей повел себя чуть наглее и все же схватил бы ее. Тогда пришлось бы его ударить. А потом что? Нападение на начальника в его же собственном кабинете, вот что. Была у них на фабрике девушка, с которой такое случилось, теперь никто не знает, где она, – как забрали, так ее больше никто и не видел. А ему ничего! Будто если комсомолка, то должна с каждым начальником!..

Утерев слезы, Варя выскочила на улицу и нос к носу столкнулась с Робертом – давним знакомцем Павла.

– Варька? – обрадовался он, поправляя очки. – Чего зареванная?

– Это от мороза, – соврала она, снова внутренне сжимаясь.

– А-а. Понятно! – протянул очкарик. – Пойдем в столовую райпотребсоюза, пожую горячего. Я тут премию получил, угощаю! Пойдем, говорю!

Он схватил Варю за руку и потянул за собой, но она выдернула ладошку из рукавички и крикнула:

– Отстань! Что вы все меня хватаете сегодня!

– Все – это кто? – спросил Роберт, возвращая девушке рукавичку.

– Так... Никто. Просто настроение плохое.

– Так пойдешь в столовую? – уточнил Роберт.

– Пойду, – вздохнула она и побрела за ним по заснежен-

ной улице. Полы его перешитой по размеру шинельки трепал ветер.

В буфете Роберт купил два стакана чая и горячих пирожков с капустой. По-старушечьи ссутулившись, Варя стояла около круглого высокого столика в углу и равнодушно смотрела в окно.

– Ешь, – сказал Роберт, поставив перед девушкой тарелку с пирожками.

– Спасибо, – сказала Варя и обхватила стакан с чаем тонкими бледными пальцами.

– И не ходи больше в ОСОАВИАХИМ, – хмуро посоветовал ей Роберт. – Павла там нет.

– Что ты такое говоришь? – испугалась Варя. – Мне товарищ Андрей сказал...

– Если бы ты с ним осталась подольше, он бы тебе и не того наговорил. Большой он любитель по женской части. Из-за него ревела?

– Нет! – помотала головой Варвара.

– А вот мне врать необязательно. – Роберт снял очки и потер переносицу. – Хотя ты права. Сейчас никому доверять нельзя. Ладно, это сейчас не главное. Павла забрали.

Варя едва не вскрикнула. Лицо ее побледнело так, что собеседник испугался – вдруг она умрет прямо сейчас от разрыва сердца?

– Тихо ты! – Роберт сжал ее локоть крепкими пальцами, оглядываясь на обедающих за соседним столиком строите-

лей.

– С чего ты взял? – Девушка взяла себя в руки.

– С того. – Роберт наклонился и зашептал: – Я случайно повстречал Мишку, когда тот шел в ОСОАВИАХИМ. Он сказал мне, что Павел ждет его около памятника метростроителям. Подходим к памятнику, а Павла нет. Подождали – без результата. На занятия пришли вместе, а собрались уходить – и Мишки нет. Я не стал спрашивать, чтоб не нарываться, а то поняли бы, что мы вместе пришли. Еще и меня бы сгребли!

– За что же Павла можно забрать? – побелевшими губами спросила Варя и подняла глаза, чтобы удержать слезы. Но они все равно покатались по щекам.

– Мало ли! Может, настучал кто. Возьми себя в руки! У тебя есть кто-нибудь, кто может помочь?

– Да откуда?

– А из знакомых отца? Успокойся, подумай.

Варя вытерла слезы, внимательно посмотрела на Роберта и сказала:

– Разве что Петряхов Константин Семенович...

– Красный командир Петряхов? Ты его знаешь? – удивился Роберт, надевая очки.

– Да-да! – торопливо кивнула Варя. – Я сейчас вспомнила! Они с отцом были очень дружны. Меня он узнает, конечно. Но вот только...

– Что только?

– Как обо всем рассказать-то ему?

– Испугалась?

– погоди, – вдруг сказала Варя. – А может, ничего страшного не случилось, а ты понапрасну панику поднял?

– А если нет? – удивился Роберт. – Может, жизнь Павла сейчас зависит именно от твоей помощи! Тебе надо пойти к Петряхову и все ему рассказать.

– Да-да! – воскликнула Варя. – Он позвонит товарищу Сталину и пожалуется. Иосиф Виссарионович все знает, все понимает! Он разберется с ними по совести!

– Конечно, – закивал собеседник и хотел встать из-за столика.

– Нет, – Варя снова поникла.

– Что – нет?

– С чего ты взял, что он станет помогать? Скажет, мол, раз забрали, значит, было за что!

– Может, и скажет, но попробовать-то следует. Ты представь, каково сейчас Павлу! Нельзя же думать только о себе. Не по-комсомольски это.

Варя поежилась и задумчиво сделала несколько больших глотков чая.

– Наверно, ты прав, – сказала она. – Заеду, покормлю дедушку и пойду к Петряхову. Сама схожу. Я уже знаю, что ему сказать.

– И правильно! – улыбнулся Роберт. – Пойдем, я тебя до трамвая провожу.

– Пойдем. – Варя отодвинула пустой стакан.

ГЛАВА 4

28 декабря 1938 года, среда.

Подмосковье, дорога на Долгопрудный

Советник германского посольства Густав Хильгер любил удить рыбу в Подмосковье. Окружению немецкого аристократа подобное развлечение казалось диковатым, поэтому граф Шуленбург, посол Германии в Москве, его не одобрял. С другой стороны, Хильгер был незаменимым сотрудником – сын московского фабриканта, он родился и провел детство в России, безупречно владел русским языком, прекрасно знал менталитет этого полудикого северного народа. Ему можно было простить такие мелкие слабости, как любовь к подледному лову. И граф Вернер фон Шуленбург прощал советнику, позволяя отлучаться, когда не было неотложных дел.

Густав Хильгер ценил такое доверие, особенно теперь, когда по всей Советской России одно за другим закрывались германские консульства и многие работники посольства трудились практически без отдыха. Расслабившись на заднем сиденье черного «Мерседеса», он задумчиво глядел на ползущие за окном сугробы, но мысли его были заняты не рыбалкой, на которую он выехал несмотря на лютый мороз, а куда более глобальными вещами. Хильгер не одобрял агрес-

сивной политики Гитлера, более того – боялся ее. И дело было вовсе не в миролюбии, к которому, как говорили, советник имел склонность, а в том, что Германия, по его мнению, не имела достаточного технического перевеса для претензий на мировое господство. Гитлер же делал ставку на непоколебимый моральный дух нации, что могло измениться после столкновения с первыми серьезными трудностями.

– А ну-ка постой, Фридрих! – Хильгер наклонился к боковому стеклу.

«Мерседес» сбавил скорость и приткнулся к обочине, не выезжая из широкой снежной колеи, пробитой полуторками.

– Что-то случилось? – настороженно спросил водитель, доставая из кобуры под сиденьем тяжелый «люгер 08».

– Пока не знаю. Отъедь немного назад и дай мне пистолет. Густав Хильгер открыл дверцу и по щиколотку утонул охотничьими унтами в снегу. Фридрих заглушил двигатель и тоже выбрался из машины.

– Мне показалось, что в сугробе у обочины лежит человек, – произнес советник. – Ты ничего не заметил?

– Нет. Хотя это мог быть пьяный русский, замерзший ночью.

– Так далеко от города? – удивился Хильгер. – Нет, Фридрих. Чутье никогда меня не подводит.

– Это может быть провокацией.

– Тоже сомнительно. Если, конечно, ты никому не говорил, куда точно мы едем.

– Нет.

– Тогда если это и спектакль, то не для нас. А моя профессия не позволяет пренебрегать случайностями. Пойдем, поможешь, если что.

Не пройдя и двух десятков шагов, они разглядели лежащего вниз лицом мужчину в телогрейке и ватных штанах. Услышав хруст снега, незнакомец с трудом поднял голову и что-то простонал.

– Кажется, он горел, – насторожился шофер.

– Осмотри его.

Фридрих наклонился над лежащим и перевернул его на спину. В некоторых местах телогрейка и штаны незнакомца действительно были прожжены, а лицо покрыто жирной копотью. Опаленные до рыжего цвета ресницы и брови выделялись на нем с отвратительной неестественностью. Еще бросалась в глаза кисть левой руки – чудовищно распухшая и синяя.

– В него стреляли, – заявил водитель. – В ногу с короткой дистанции, скорее даже в упор, а в руку издалека.

– Тогда в машину его, – решительно приказал Хильгер. – Быстро!

Они вдвоем подхватили лежащего под руки и впихнули на заднее сиденье. Его одежда задубела так, словно насквозь промокла, прежде чем попасть на мороз.

– Гони в посольство, – сказал советник, устраиваясь рядом с водителем.

Взревел мотор. «Мерседес», буксуя в колеях, развернулся и погнал в сторону города.

Немного отлежавшись в тепле, незнакомец открыл глаза и отчетливо произнес по-немецки:

– Если вы из посольства, не бросайте меня. У меня есть важнейшая информация для Германии. Информация военного характера.

Водитель удивленно поднял брови.

– Ваше чутье действительно вас не подводит, – уважительно покосился он на советника.

– Твое имя? – Хильгер обернулся, положив руку с пистолетом на спинку сиденья.

– Богдан Громов. Бывший сотрудник ЧК.

– Кто в тебя стрелял?

– Коллега. Бывший коллега.

– Что у тебя за информация?

– В меня стреляли, – прохрипел Богдан. – А потом я еле выбрался из пожара. И половину ночи пролежал в снегу. То, что я теперь еду в этой машине, не только ваша, но и моя заслуга. И я намерен разговаривать с вами на равных. По крайней мере не здесь, а в посольстве, после того, как мне окажут медицинскую помощь. Пока это все.

Он закрыл глаза и затих, стиснув кулак здоровой руки. От подтаявшей одежды по салону распространилась тошнотворная вонь.

– Его немецкий не хуже моего русского, – буркнул Хиль-

гер. – Но все же этот Богдан из другого теста, чем мы.

– Что вы имеете в виду? – не понял шофер.

– Что бы ты делал, получив среди ночи две пули, особенно если вокруг полыхает пожар?

– Попробовал бы выбраться, – Фридрих пожал плечами.

– Не думаю. Лично я бы умер. Получил бы болевой шок, истек кровью и сгорел. Ты тоже, скорее всего. Но даже если бы нам удалось спастись из огня, мы бы насмерть замерзли за ночь. Это точно.

– Да, мороз – жуткая вещь, – передернул плечами водитель. – Я и представить не мог, что это такое, пока не почувствовал на себе. С берлинским снежком, который идет раз в три года на Рождество, здешнюю зиму и сравнивать нечего.

– А русские тут живут из поколения в поколение. Так что не дай нам бог столкнуться с ними в этих снегах.

Проскочив к центру города, «Мерседес» остановился в Леонтьевском переулке, возле посольства.

– Жди меня за рулем, – советник отдал пистолет водителю и выбрался из машины. – С русского глаз не спускай. При малейшей опасности стреляй в плечо, ему в таком состоянии одного попадания хватит.

Он хлопнул дверцей и поспешил к парадному входу. Охранник узнал советника и пропустил, не заглядывая в пропуск. Хильгер поднялся по лестнице и толкнул дверь приемной.

– Господин Шуленбург может меня принять? – спросил

он у секретарши, прекрасно понимая, что никакая срочность не простит ему дурных манер.

– Да, – кивнула женщина, испуганно глядя на лохматые унты советника.

Хильгер нажал на дверную ручку и переступил порог кабинета, плотно закрыв за собой дверь.

– Разрешите? – Он вытянулся по струнке, глядя на сидящего за столом посла.

Тот, как всегда, блистал элегантностью. Темный, в едва заметную полоску костюм, белоснежный платок в нагрудном кармане, туго накрахмаленные манжеты, скрепленные крупными золотыми запонками, такой же жесткий воротничок, заставлявший держать голову высоко поднятой. Поэтому хорошо был виден широкий черный галстук, завязанный свободным узлом и заколотый булавкой с голубоватой жемужиной. Наголо бритая голова и смуглая кожа, обтягивавшая скулы, придавали лицу с ухоженными усиками восточный облик, что не удивительно для человека, долгие годы представлявшего Германию в Тегеране.

– Густав? – Шуленбург не стал скрывать удивления, а напротив, подчеркнул его. – Я же позволил тебе отдохнуть.

– Да, господин посол, – Хильгер решил взять официальный тон. – Но случилось нечто неординарное.

– Присядь, пожалуйста. И будь любезен впредь не заходить ко мне в кабинет в этой э-э-э... рыболовной амуниции. А теперь говори. Коротко и по сути.

– У меня в машине лежит русский, – едва сев в кресло, выдохнул советник. – Он обгорел, и у него две огнестрельные раны – в руку и в ногу. Я подобрал его у дороги, довольно далеко от Москвы. Придя в сознание, он на хорошем немецком сообщил мне, что ранее сотрудничал с НКВД, а сейчас может сообщить важную для Германии информацию военного характера. Он представился Богданом Громовым.

– Занятно, – губы посла тронула чуть заметная улыбка. – И ты не нашел ничего лучше, как привезти его прямо в посольство? А вдруг в него стрелял НКВД?

– В него точно стрелял НКВД, он сам об этом сказал.

Шуленбург задумался лишь на секунду.

– Насколько я понимаю, ему нужен врач. Возвращайся в машину и вези его в мою резиденцию. Постарайся привлечь поменьше внимания и молись, чтобы это не оказалось провокацией. Насчет врача я распоряжусь. Все.

Густав Хильгер, не обращая внимания на секретаршу, пересек приемную, сбежал по лестнице и сел в «Мерседес».

– В Чистый переулок, – сказал он Фридриху. – Никогда раньше мне еще не хотелось так верить, что бог действительно с нами.

Машина тронулась и покатила по узким московским улочкам.

Советник часто бывал в доме Шуленбурга. Прислуга, хорошо знавшая его в лицо, кинулась выполнять указания Хильгера. Раненого быстро и без особого шума затащили в

дом.

– Где прикажете его положить? – спросил один из охранников, морщась от отвращения.

– В гостевую спальню, – принял решение Хильгер. – Только на пол, а не на кровать. И уберите ковер, не то провоняет.

Одежда Богдана оттаяла и теперь еще сильнее пахла гарью, немытым телом и гнилью.

– Тряпье выбросить?

– Конечно, – кивнул советник. – Но фрагменты со следами попадания пуль сохраните для экспертизы.

Едва Богдана раздели, явился посольский доктор. Его незамедлительно проводили к Хильгеру.

– Добрый день, – кивнул врач, узнав советника.

– Хотелось бы верить, что он сегодня действительно добрый, господин Кох, – невесело усмехнулся Густав. – Осмотрите раненого, мне нужно в точности знать его состояние.

Доктор поставил чемоданчик на подоконник и принялся за осмотр.

– Сразу могу отметить сквозную огнестрельную рану бедра, – сообщил он. – Кость пробита навывлет, но пуля была омедненная, так что, судя по выходному каналу, не произвела значительных повреждений. Однако можно говорить о серьезной потере крови из-за повреждения костного мозга. С рукой хуже. Перед попаданием в предплечье пуля прошла сквозь какое-то препятствие, деформировалась и начала кувыркаться. Так что наделала дел. Открытый перелом нали-

цо, повреждены сухожилия, управляющие пальцами. – Он раскрыл чемоданчик и достал шприц. – Кроме того, разбиты костяшки обеих рук. Не думаю, что в драке, скорее он пытался пробить какие-то доски. Или его выбросили из машины. Хотя нет, тогда ссадин было бы больше.

Врач сделал Богдану укол в плечо.

– Какие прогнозы? – поинтересовался Хильгер.

– Сейчас трудно говорить о повреждении внутренних органов, но если дело ограничилось только видимыми повреждениями, то по большому счету ничего страшного. Вот только левая рука вряд ли будет работать нормально.

Внезапно Богдан открыл глаза и уставился в потолок. От неожиданности Кох едва не выронил шприц.

– Какое сегодня число? – произнес раненый по-немецки.

– Вам надо успокоиться... – наклонился к нему врач.

– Я спокоен. Вы не представляете, как мне важно знать сегодняшнее число! Для вас важно.

– Двадцать восьмое, – ответил Хильгер.

– Месяц?

– Двадцать восьмое декабря.

– Плохо, – стиснув зубы, прошипел Богдан. – Дайте же мне морфий наконец!

– Что плохо? – советник шагнул вперед и наклонился над кроватью.

– Можете не успеть. Как больно, черт бы побрал! Двадцать восьмое. Вечер?

– День.

– Обещайте, что не вышвырнете меня на улицу, если я вам все расскажу.

– Обещаю, – твердо ответил Хильгер.

– Тогда вам нужно... Только дайте мне морфий!

– Дайте, – приказал Густав Коху.

Доктор начал рыться в чемоданчике, а Богдан с неожиданным проворством схватил Хильгера за рукав и притянул к себе. Советник едва не упал, схватившись за спинку кровати.

– Слушайте, – горячо прошептал раненый. – Я могу дать вам такую штуку, при помощи которой вы сумеете играючи повелевать всем миром. Только надо успеть сделать несколько важных вещей.

Он еще сильнее притянул к себе Хильгера и зашептал ему в ухо, перемежая немецкую речь с русской.

ГЛАВА 5

28 декабря 1938 года, среда.

Москва, Сокольники

В прихожей Дроздов разделся и повесил пальто на вешалку, оставив за порогом заснеженный зимний вечер.

– Машенька, – негромко позвал он.

Секретарша приоткрыла дверь спальни и на цыпочках вышла в гостиную.

– Все еще спит, – сообщила она.

– Замечательно, – оскалился в улыбку энкавэдэшник. – Свержин не звонил?

– Звонил этот, как же его... – Марья Степановна напряглась, вспоминая имя звонившего, но Дроздов уже понял, о ком идет речь.

– А! Понятненько! – сказал он и, потирая руки, присел у камина на корточки. – Что сказал?

– Ничего. Обещал перезвонить. И еще вам с посыльным пришел пакет из наркомата. Я его положила на стол.

– Ладно, иди, карауль подопечного. Кстати, как он себя во сне ведет?

– Да в общем нормально. Несколько раз что-то неразборчиво бормотал, но понять совершенно невозможно.

– Хорошо. Если хоть слово разберешь, сразу записывай.

И вообще с этой минуты возьми тетрадочку и каждые четверть часа делай отметочку о состоянии Стаднюка. Записывай каждую мелочь, вплоть до возникшей эрекции. Все. – Дроздов посмотрел на часы. – Скоро я его заберу и сможешь поспать.

Сухо затрещал телефонный звонок. Максим Георгиевич торопливо подошел к столу.

– Дроздов на проводе, – сказал энкавэдэшник в трубку. – Ага, значит в ОСОАВИАХИМе она была. Молодец. Жди меня, буду через сорок пять минут. Петряхов, говоришь? Занятно. А других контактов у нее, значит, нет? Ладно, все, я выезжаю, жди меня у метро.

Он бросил трубку на рычаг и оглядел лежащий на столе пакет. Судя по отсутствию грифов, ни о какой срочности рассмотрения речи не было, так что подождет. Дроздов оставил запечатанный сургучом конверт и шагнул к двери спальни.

– Машенька! Мне срочно надо отъехать, но я не задержусь, буду часа через два.

Он вызвал водителя, оделся и сбежал по крыльцу.

– Не дадут нам покоя, Сердюченко, – буркнул Максим Георгиевич, садясь рядом с шофером. – Гони в Москву, к Боровицкому мосту. Знаешь, где станцию метро «Коминтерн» построили? И поскорее, не мешкай.

«Эмка» сорвалась с места, выехала проулками и понеслась к центру города.

Возле станции «Коминтерн» Дроздов заметил притопы-

вающего на морозе юношу в перешитой на гражданский ма-
нер шинели.

– Притормози, – приказал он водителю.

Машина, игнорируя правила, резко прижалась к бордюру, Максим Георгиевич перегнулся через сиденье и распахнул заднюю дверцу.

– Быстренько в машину! – рывкнул он молодому человеку.

Тот рванул к «эмке», но оскользнулся, чуть не растянувшись перед самой дверцей, и ввалился на заднее сиденье.

– Какой ты прыткий, – с издевкой заметил Дроздов. – Дверь-то закрой, а то всех нас простудишь.

Парень хлопнул дверцей и пошарил между сиденьями, пытаясь найти свалившиеся с носа очки. Наконец это ему удалось, он надел их трясущимися руками и откинулся на спинку сиденья.

– Трогай, Сердюченко, не спи, – приказал Дроздов. – Проедешь перекресток, сверни во дворик. А ты, Роберт Модестович, говори, не стесняйся.

Роберт закашлялся от волнения.

– Да я все рассказал, – выговорил он, переведя дух.

– Думаешь, она уже там?

– Скорее всего, – кивнул Роберт. – Я так думаю.

– Пусть кони думают, у них головы знаешь какие большие? А твой номер восемь, отвечай, что знаешь, и лишнего не болтай.

– Да. Варя сказала, что покормит деда и сразу побежит

к Петряхову. Тот был дружен с ее отцом, и она надеется на помощь.

– Это же надо, Сердюченко, какая удача! Одним махом имеем возможность прихлопнуть двух врагов народа. Деву, которая прямо в эту минуту обвиняет наркомат в похищении пролетария, а с ней и собеседничка – красного командира, на которого давно не мешает завести папочку.

Шофер правил молча. Он проскочил перекресток и загнал машину во двор, старательно расчищенный от выпавшего за ночь снега.

– Не ставь у подъезда, отъездь чуть подальше, – велел Дроздов.

– Вы что, собираетесь ее взять прямо сейчас? – забеспокоился Роберт. – Она ведь меня узнает. Может, мне лучше уйти?

– Сиди смирненько, – не оборачиваясь, буркнул Максим Георгиевич. – Ты что, стыдишься работы на диктатуру пролетариата?

– Нет, – парень испуганно поправил очки. – Просто я подумал, что неузнанным пригожусь больше.

– Об этом можешь не беспокоиться, – криво усмехнулся Дроздов. – Варя хоть тебя и узнает, но никому не расскажет. Точно.

Они молча посидели в машине около получаса и начали замерзать от неподвижности.

– Ну и где она? – обернулся энкавэдэшник. – Почему не

спускается?

Роберт только нервно пожал плечами.

– Поднимусь, – не выдержал Дроздов. – А ты, Сердюченко, прогрей автомобиль да приглядывай за молодым человеком.

Он выбрался из машины, поправил пальто и направился к двери подъезда. Поднявшись на третий этаж, он достал из кармана удостоверение и вдавил кнопку звонка.

– Кто там? – раздался из-за двери голос пожилой женщины.

– Пакет для товарища Петряхова, – ответил Дроздов.

Едва дверь приоткрылась, он рывком распахнул ее настежь, оттолкнул горничную и, махнув удостоверением, произнес:

– Только пикни! Где Петряхов?

Несколько секунд горничная хватала ртом воздух, затем показала в сторону кабинета и добавила заикаясь:

– Только он... Он там с дамой. У них дела...

– Вот по этим делам я к вам и пожаловал. И девица мне тоже прекрасно знакома.

Он с усмешкой направился к кабинету и толкнул дверь, но та оказалась заперта изнутри. Не долго думая, Дроздов разбежался и, ухнув в нее плечом, легко сломал язычок замка. Дверь с грохотом отворилась, открыв неприличную сцену, в которой красный командир Петряхов участвовал с приспущенными штанами, а девушка вообще без одежды.

– Очень мило, – широко улыбнулся энкавэдэшник.

– Какого черта?! – взревел Петряхов, отскакивая от любовницы и рывком натягивая штаны. – По какому праву?

Девушка завизжала и, закрывая руками попеременно то крупные груди, то курчавость между ног, заметалась, не зная, куда спрятаться.

– Ой! Мамочки родные! – пискнула она срывающимся на визг голосом и полезла под стол.

– Вот, значит, за какую плату красный командир готов продать Родину, – с наигранной патетикой произнес Дроздов, останавливаясь в центре кабинета. – А вы, Варенька, постыдились бы!

– Вон! – заорал басовитым командирским голосом багровый Петряхов, приближаясь к наглому незнакомцу.

– Ты не ори! – тихо посоветовал Дроздов и вяло махнул удостоверением. – Не в лесу, чай! И не на полях сражений! Чего орать-то? Тихонько-спокойненько и поговорим.

– Нет уж, позвольте! – командир смело потянулся к руке нежданного гостя, намереваясь внимательно рассмотреть документ, но получил столь мощную зуботычину, что не удержался и повалился в кресло. Он хотел тут же вскочить, чтобы дать отпор грубияну, но увидев, что энкавэдэшник достаёт из кармана револьвер, передумал.

– Сидеть! – приказал Максим Георгиевич и, повернувшись к девушке, хмыкнул. – Что, так и будешь там голенькая ползать? Возьми плед! Укрой срам-то!

– Ага! – Девушка торопливо кинулась к дивану и, сдернув с него тканый плед, быстро обернулась им и подняла испуганные глаза.

– Насколько я понимаю, вы Варвара Стаднюк? – неторопливо спросил Дроздов и уставился на ее бледное лицо немигающими змеиными глазами.

– Какая, к чертям, Варвара? – проревел красный командир, утирая юшку с разбитых губ. – Секретарша это! Клавдия! У нас с ней внеслужебный роман. Скажи, Клава.

Девушка кивнула, дрогнув побелевшими губами.

– Клава! Клава я! – затараторила она, стуча зубами.

– Документики ваши, Клава! – Дроздов не подал вида, но уже заподозрил, что вышла промашка. Змеиные глаза его еще больше округлились. Он сделал несколько шагов по кабинету, раздумывая, как теперь выкрутиться с наименьшими потерями. Его лаковые туфли громко поскрипывали в наступившей тишине.

– Они в пальто, – запинаясь, произнесла девушка.

– Ну так принесите! – разозлился энкавэдэшник. – Только без глупостей и без беготни, убедительно советую.

Клавдия кивнула и, подтянув плед, чтобы не путался под ногами, выскользнула из кабинета.

Дроздов замер, уставившись в одну точку на лбу Петряхова.

Командир Петряхов шмыгнул носом и, заподозрив, что гость оконфузился, немного осмелел. Но не очень. Он с тос-

кой подумал, что вряд ли энкавэдэшник принесет ему извинения. А потому будущее его, по всей вероятности, печально.

Вернулась Клавдия с паспортом в руках.

– Клавдия Милявская. Так.

Дроздов просмотрел документ. Его замешательство было столь сильным, что он на секунду запнулся, не зная, что делать дальше. В столь дурацкую ситуацию он попал впервые, и теперь надо было принимать решение, быстро и точно.

– Так... – не умом, а скорее инстинктом затравленного зверя он понял, как поступить. – Клава, Клавочка. Надо же вам, миленькая, было попасть в такую неприятную ситуацию! Присядьте-ка за стол. И не дрожите так. Если вы сделаете все по совести, то ничего дурного с вами не случится.

Секретарша подчинилась, как загипнотизированная.

– Садитесь, берите бумагу и пишите, – воодушевляясь, заговорил Дроздов. – В Наркомат внутренних дел, товарищу Свержину М. А. Заявление.

Перо звякнуло о чернильницу и, спотыкаясь, заскрипело по бумаге.

– Пишите! – диктовал Дроздов. – Я, Милявская Клавдия Андреевна, выполняя работу секретарши на дому у тов. Петряхова К. С., подверглась сексуальному насилию с его стороны. Вот так, Клавочка. Пишите. Старайтесь аккуратнее, без клякс. Это ж документик!

Командир Петряхов заскрипел сиденьем кресла и попро-

бывал открыть рот, но умолк, когда зрачок револьверного дула уставился ему прямо в лицо.

Энкавэдэшник с затаенной злобой пообещал:

– Если услышу хоть словечко, то в конце заявления Клавочка напишет, что Петряхов был убит, пытаюсь оказать сопротивление. Правда, Клавочка? Напишет-напишет! – Он заглянул через плечо любовницы Петряхова. – Так, написали? Очень хорошо. Пишите дальше. – Он опять стал диктовать. – Я работала с документами, когда Петряхов напал на меня сзади, ударил по лицу, бросил на пол и сорвал одежду. После этого он накинудся на меня и принудил вступить с ним в половую связь в извращенной форме. Через минуту после начала насилия сотрудник НКВД, товарищ Дроздов М. Г., прибывший для беседы с товарищем Петряховым, застал его на месте преступления и задержал. Число, подпись. И не плачьте, а то чернила размажутся. Кстати, оденьтесь, милочка, будьте любезны.

Клавдия торопливо выскочила из-за стола и, прикрываясь дверцей платяного шкафа, начала надевать белье. Дождавшись, когда она справится, Дроздов шагнул к ней и, потрогав себя за бородку, улыбнулся.

– Замечательно!

Он вздохнул, потер руки и с размаху ударил девушку кулаком в скулу, а когда секретарша растянулась на ковре, деловито наклонился, с треском разорвал платье и тонкую бязь белья.

– Ну, все, все! Ну! Ничего страшного. – Он помог рыдающей секретарше подняться. – Для твоей же пользы, милочка! Одежда должна быть разорвана, и синячок для достоверности не помешает. Да не реви! Позови лучше горничную.

Взяв у старушки свидетельские показания, Дроздов велел ей подыскать одежду для Клавдии и никуда не выезжать из города, а Петряхову швырнул форменную шинель с петлицами и под угрозой револьвера вывел во двор.

– В машину! – приказал он.

– Да что я такого сделал? – сердито, но не очень решительно пробасил красный командир. – Может, не надо в машину?

– Надо, Петряхов, надо! – Максим Георгиевич выразительно повел дулом.

Когда Петряхов уселся рядом с Робертом, энкавэдэшник забрался вперед.

– Сердюченко, давай на Лубянку, – с кряхтеньем он устроился на сиденье.

ГЛАВА 6

28 декабря 1938 года, среда.

*Городок Уитон в пригороде Чикаго,
штат Иллинойс*

Зимние сумерки за окном бросали отсвет на столик питейного заведения, за которым хмуро сидел молодой человек и наблюдал, как лучи преломляются в коричневатом содержимом полупустого стакана. Возле стакана в полной готовности стояла початая бутылка виски.

Дверь питейного заведения со скрипом распахнулась, пропустив вместе с облаком морозного пара высокого сутулого посетителя в длинном пальто и фетровой шляпе. В руке он держал трость с серебряным набалдашником, а в зубах погасшую сигару.

– О! – обрадовался он, узнав хмурого обладателя виски. – Да это же мистер Грот Ребер! С Рождеством! И заодно с днем рождения! Извини, двадцать второго меня не было в городе, так что не смог поздравить вовремя.

Говорил он с заметным немецким акцентом. Молодой мужчина за столиком кивнул, но по выражению его лица трудно было понять, рад он этой встрече или предпочел бы ее избежать. Нового посетителя это ничуть не смутило, он повесил пальто и шляпу на вешалку и, пригладив светло-ру-

сые волосы, направился к стойке. Взяв у бармена стакан, немец подсел к одинокому выпивохе.

– Я вижу, тебе не справиться с этой бутылкой в одиночку. Могу помочь. Ты не против?

Ребер пожал плечами и отпил из своего стакана.

Сутулый прислонил трость к стене и потянулся к бутылке. Налил на два пальца виски и поднял стакан.

– С Рождеством!

– С Рождеством, Карл! – печально сказал Ребер.

Они чокнулись. Выпили. И Грот Ребер опять поник.

Карл повторил себе виски и печально вздохнул.

– Похоже, слухи не врут, – покосился на него Ребер. – Если бы Лиза тебя не отшила, ты бы не шлялся в рождественскую неделю по кабакам в одиночестве.

– Тебе кто-то сообщил об этом? – удивленно поднял брови собеседник. – Или ты сам такой умный, что насквозь видишь чужие секреты?

– Разве в этом городе есть секреты? – невесело усмехнулся Ребер.

– В каждом городе есть секреты! – заявил его неожиданный собеседник. – У каждого человека есть какой-нибудь маленький или большой секрет. Но не все они интересны другим.

– Только не в том случае, – покачал головой Ребер, – когда дело касается немецкого эмигранта, который собрался предложить руку и сердце дочери местного бакалейщика. Зна-

ешь, Карл, ты здесь с самого приезда под пристальным вниманием.

– Да, я заметил, – поморщился немец. – Вы, американцы, по-моему, вообще чересчур любопытны. Вы очень самодовольны. В любом конфликте между иностранцем и американцем вы всегда становитесь на сторону своего, независимо от того, прав он или нет. Иногда такой патриотизм неплох, но бывают и промашки. Вот сейчас ты безоговорочно поверил, что Лиза дала мне от ворот поворот, но на самом деле это было иначе.

– Как это могло быть иначе? – усмехнулся Ребер.

– Могло. Но порядочные люди за бутылкой этого не обсуждают, – поморщился Карл.

– Выпьем, – снова поднял стакан Ребер.

Они выпили и довольно долго молчали, пока Карл не сказал:

– Но и твое настроение тоже нельзя назвать рождественским.

Ребер кивнул и опять плеснул себе из бутылки.

– Да! Это трудно было не заметить, – усмехнулся он, поднимая очередной стакан и глядя сквозь виски на свет. – Знаешь, за что я пью? За проявление божественной жадности.

– Догадываюсь, о чем речь, – сочувственно вздохнул Карл, тоже поднимая стакан. – Тебе не удалось настроиться на небесную радиостанцию, не правда ли? Но, может, никаких радиостанций в небе нет?

– Нет? – Ребер стукнул доньшком стакана о стол. – А как же опыт господина Янского? Шипение его приемника передавали все местные радиостанции!

– О, как интересно! Я не знаю этой истории.

– А я знаю ее прекрасно, – сообщил Ребер. – Семь лет назад твой тезка и мой соотечественник инженер-радиотехник Карл Янский заметил, что его чувствительному приемнику мешает какой-то постоянный шум. Чтобы отследить, какая радиостанция создает помеху, он из досок и автомобильных колес соорудил вращающуюся антенну-пеленгатор. И знаешь, где оказалась паразитная радиостанция? На небе, дорогой Карл, на небе! В созвездии Стрельца. Повторить его опыт несложно, но я хочу пойти дальше. Я хочу составить радиокарту небосвода, понимаешь? Найти и нанести на нее все небесные радиоисточники.

– И ради этой ерунды ты изуродовал свой двор десятиметровым параболоидом? Эх, Грот! Послушай доброго совета. Почему бы тебе не познакомиться с красивой девчонкой и не сводить ее на танцы или в кино, а потом жениться на ней и нарожать детей? Над тобой люди смеются, Грот!

– Над тобой тоже! – огрызнулся Ребер. – Эта Лиза не давала только ленивому, чтоб ты знал. Один ты не добился ее благосклонности.

– Оставим эту тему, – напрягся Карл. – Ничего смешного в этом нет. Я не хочу это обсуждать!

– Оставим, – согласился Ребер. – Но я должен уточнить:

моя антенна не десяти метров в диаметре, а девяти с половиной. Я ее специально просчитал, чтобы ловить более короткие волны, чем Янский. Он работал с длиной волны четырнадцать целых и шесть десятых метра, а я хочу уйти в сантиметровый диапазон. Я уверен, что небесное радиоизлучение должно подчиняться закону Планка, и его интенсивность, скорее всего, возрастает в сторону более коротких волн. Но я уже год сижу ночами перед приемником, перелопатил небо на волнах девять и тридцать три сантиметра, а все попусту!

Карл задумался, затем предложил:

– Слушай, Грот, а давай заберем эту бутылку и пойдем к тебе. Покажешь мне, как работает твоя антенна.

– С каких пор тебя это интересует? – подозрительно посмотрел на немца Грот.

– Так. Любопытство! – развел руками Карл. – Люди должны интересоваться друг другом. Так легче жить. Хотя любопытство меня и довело до эмиграции, но... Характер есть характер.

– Можно подумать, ты не рад, что оказался в Штатах, – буркнул Ребер, поднимаясь из-за стола. – А не шпион ли ты немецкий? И не собираешь ли ты разведданные о том, как американцы слушают небо?

Немец молча взял в руки трость и поднялся из-за стола.

– Ты напился, – вздохнул он.

– Да, я выпил! – возбужденно вскочил Ребер. – Поэтому

и говорю то, что думаю!

Неожиданно его настроение резко поменялось. Он снова упал на стул и, уронив лицо на сложенные руки, разрыдался.

– О майн гот! – вздохнул Карл. – Ну не надо, Грот! Может быть, все не так плохо. Может быть, как раз сегодня все и случится, а ты сидишь тут в баре и разводишь сырость. Вставай, Грот! Пойдем слушать небо! Я отведу тебя.

– У меня есть великолепная идея! – воскликнул Ребер, снова вскакивая на ноги. – Пойдем! Пойдем вместе! Давай сломаем мою антенну! Все равно она ничего не ловит, только двор портит. А потом... А потом на танцы! К девчонкам.

– Давай возьмем еще, – предложил немец и добавил к остаткам реберовской бутылки еще одну бутылку «Черной метки».

Приятели расплатились, оделись и вышли в холодный вечерний воздух. Солнце уже село, но городок освещали рождественские гирлянды, фонари, флаги и яркие жестяные звезды. Люди навстречу попадались веселые. Отовсюду слышались пение и смех.

Они без приключений добрались до дома Ребера, двор которого то ли украшала, то ли действительно уродовала огромная параболическая антенна. Ребер поднялся по ступенькам и распахнул дверь в жилище.

– Заходи, Карл! – хозяин пропустил гостя в комнату.

Посреди гостиной стояла кое-как наряженная рождественская елка, прямо по полу были разбросаны листы ват-

мана – самодельная карта звездного неба, а ближе к окну висело громоздкое устройство, сквозь каркас которого виднелись радиолампы, катушки и резисторы толщиной с палец.

– Это и есть твой звездный приемник? – спросил Карл, разглядывая непонятную конструкцию.

– Это индикаторный блок, если тебе это о чем-то говорит, – равнодушно отмахнулся Ребер, разыскивая стаканы. – Сам приемник расположен в фокусе параболоида на улице. Но сегодня я покончу со всем этим! Я устрою грандиозный фейерверк!

– А это что? – спросил немец, увидев у стены огромную бутылку.

– Осторожно, это ртуть! – воскликнул Грот. – Не разбей! У этого металла чертовски ядовитые пары.

– Зачем она тебе? – пожал плечами Карл. – Это же не виски! Ртуть – это никак не виски. И, по-моему, глупо держать ее в доме.

– Она нужна мне... – пояснил хозяин и тут же поправился: – Была нужна. С ее помощью можно сделать сверхчувствительную антенну, и я как раз работал над этим.

– А можешь сейчас все включить?

– Нет проблем! – покачиваясь, Ребер навис над аппаратом и щелкнул тумблером.

Лампы заалели в утробе устройства нитями накаливания. Огоньки постепенно разгорались, стрелка милливольтметра дрогнула, но через секунду снова вернулась к нулю.

– Пусть греется, – Ребер уселся за стол. – Иди сюда! Давай лучше выпьем.

Он смахнул широким жестом пустые упаковки от продуктов.

Мужчины выпили. Ребер опять впал в мрачное молчание. Лед в стаканах с виски медленно таял. Время от времени Карл задумчиво поглядывал то на приятеля, то на индикатор.

– Знаешь, – произнес немец, – мне в голову пришла одна мысль. Я не такой специалист, как ты, но все же...

– Валяй, – благосклонно кивнул хозяин.

– Может, ты погорячился с длиной волны? Если Янский ловил четырнадцатиметровые волны, может, и тебе не братья сразу за сантиметры, а начать с той же отметки?

– У меня антенна другая, – Ребер достал из кармана пачку сигарет и прикурил, щелкнув зажигалкой «Zippo». – Она рассчитана на работу с волнами начиная с метровой длины, а не с десяти – или пятнадцатиметровой, как у Янского.

– Хорошо. Но ты пробовал самую большую из доступных длин?

– Нет. Меня интересуют более короткие волны, на них должно быть больше источников.

– А ты мог бы настроить приемник на волну длиной, допустим, в метр?

– Конечно, – Ребер шагнул к прибору и крутанул ручку настройки. – Похоже, ты поверил в то, что голос небесной

радиостанции прозвучит именно сегодня.

– Честно говоря, да. – Карл отпил из стакана.

– А я уже ни во что не верю. И к тому же стрелка лежит на нуле, словно приклеенная.

– А что она показывает? – с интересом спросил немец.

– Напряжение на контуре приемника. Фактически именно изменения этого напряжения, только преобразованные, мы слышим, когда из динамика доносятся звуки музыки. Но в моем случае удобнее отслеживать отклонения стрелки.

– Значит, услышать ничего не получится? – расстроился Карл. – Жаль. А как таинственно и прекрасно было бы услышать небесный голос!

– Там нечего слушать, – буркнул Ребер. – Обычные помехи. Шум. Ничего интересного.

Карл вздохнул и сделал еще глоток виски. Глаза его горели мечтательным огнем. Он покачал головой.

– Очень жаль. А я почему-то думал, что звезды выдают в эфир прекрасную музыку, напоминающую струнный оркестр.

– Чушь! – Ребер снова поднялся, принес еще льда.

– Да, – вспомнил Карл. – У меня есть неплохая сигара для тебя!

– Сигара? – Ребер взмахнул бровями и затушил остаток сигареты в пепельнице. – Сигара – это хорошо.

Взяв презент из рук немца, Ребер снова занял свое место, откусил кончик сигары и поджег ее. К потолку потянулась

лента сизого дыма.

– Завтра я уеду, – негромко произнес немец. – Уже взял билет на пароход. Так что наша вечеринка прощальная.

– Значит, тебе так и не улыбнулось великое американское счастье? – сочувственно произнес Ребер. – Ты ведь нашел неплохую работу, кажется? Неужели из-за Лизы ты собираешься бросить карьеру и уехать? Куда? В старую скучную Европу? Говорят, в Германии сейчас неспокойно.

– Это старая история, – сказал Карл, поигрывая полупустым стаканом. – Скажи, ты веришь в колдовство?

– Я – радиофизик! – вздернул брови Ребер. – В небе нет ничего, кроме света звезд и радиоволн.

– Тогда я расскажу тебе странную историю, – усмехнулся немец. – О любопытстве.

– Это правдивая история? – оживился радиофизик.

– О да! Это очень правдивая история. Мне было пятнадцать лет, когда недалеко от нашего городка расположился цыганский табор. Там был настоящий живой медведь. Он сидел на цепи. А иногда его выводили потанцевать. Стекались зеваки, и цыгане собирали с них деньги. Мы с друзьями не могли удержаться от любопытства и тоже пошли взглянуть на него. Однако, едва мы присоединились к толпе, молодая цыганка, невесть откуда появившаяся, схватила меня за руку и потянула в сторону. Она выклянчила у меня все карманные деньги, выданные отцом, а потом сказала, что я рохля и мне надо подумать о том, чтобы измениться. Мол, мне следует

уйти из семьи, уехать как можно дальше, научиться жить самостоятельно, а уж потом возвратиться на родину, где я смогу сделать карьеру. Я ответил, что не собираюсь этого делать, что у меня достаточно состоятельный отец, чтобы моя карьера удалась без всяких поездок. Тогда она рассмеялась и сказала, что пока я не сделаю все, как она велела, я не получу главного – без чего жизнь мужчины превращается в ад.

Я не сразу понял, о чем она. Но через три года в нашей компании я оставался единственным девственником. И через пять, и через шесть. Все мои усилия уложить в постель какую-либо девушку кончались либо скандалом, либо дурацкой ситуацией. Надо мной начали посмеиваться за глаза, а при встречах с друзьями я начал чувствовать себя неловко. Я стал искать способ изменить ситуацию.

Сначала я подумал, что проститутка поможет мне освободиться от власти цыганских чар. Я долго собирался и наконец решился осуществить свой план. Но при первой же попытке выбраться в город, чтобы посетить публичный дом, я подвергся нападению преступников, был избит и ограблен.

Отец узнал, что у меня нет денег, и мне пришлось соврать ему, что я пропил их. Он сократил дотации. Однако стать нормальным мужчиной была моя идея фикс.

Я взялся таскать мешки на мукомольной фабрике, чтобы заработать собственные деньги и не бояться расспросов отца. Во время одной из смен сорвавшийся с подъемника мешок ударил меня по спине, вызвав компрессионный перелом

верхнего позвонка. Три месяца я был прикован к постели и должен благодарить Бога за то, что меня не парализовало. Сутулость, правда, как видишь, осталась.

– И ты решил сделать, как велела цыганка? – догадался Ребер.

– Да, – кивнул Карл. – Я приехал в Америку, выучил язык, устроился на работу. Время от времени, не очень настойчиво, я пробовал познакомиться с женщиной, но дальше знакомства дело не шло. Наученный горьким опытом, я боюсь обращаться за услугами к проституткам. Я не рискнул бы получить серьезную травму здесь, за океаном. Честно говоря, я думал, что достаточно мне самостоятельно устроить свою жизнь, как проклятие цыганки развеется. Но история с Лизой показала, что это не так. Видимо, мне придется довести предначертанный путь до конца и вернуться в Германию. Я должен сделать это. Я хочу завести детей и продолжить дело моего отца.

– Знаешь, если бы я не знал Лизу, я бы тебе не поверил! – усмехнулся Грот, снова отпив из стакана. – Понимаешь... Как бы это сказать. Ты единственный, кому она отказала.

– Вот видишь! – Карл залпом осушил стакан и подошел к приемнику. – Проклятие, предсказание... Называй это как угодно!

– По здравом размышлении, – сказал Ребер, – мне все же кажется, что ты сам себе все это внушил. Точнее, поддался внушению цыганки. Я читал о гипнозе. Есть люди, которые

могут обжечься о холодную монету, если сказать им, что она раскалена.

– Может быть, – неуверенно ответил немец. – Но вряд ли теперь что-то изменишь!

Нервноничая, он слегка повернул ручку приемника, и стрелка милливольтметра тут же качнулась, завибрировала, заметалась из стороны в сторону.

– Черт, я, кажется, что-то тебе сломал! – воскликнул он испуганно и отдернул руку.

– Теперь это не важно, – Ребер махнул рукой. – Я решил снести антенну. Устроюсь на завод радиоприемников, познакомлюсь с девушкой. Женюсь. Заведу детей. На мне такого проклятия, как на тебе, нет. А ты уедешь в свою Германию, и у тебя тоже все наладится. Налей себе еще. За то, чтобы ты счастливо доехал!

ГЛАВА 7

28 декабря 1938 года, среда.

Москва, площадь Дзержинского

Дроздов не успел закончить доклад, как огромный, медведеподобный Свержин схватил его за грудки и толкнул на заваленный бумагами стол в своем кабинете.

– Гнида! – проревел он. – Пристрелю гадину!

В глазах начальника полыхал огонь такой ярости, что даже привычный к подобным вспышкам гнева Дроздов всерьез испугался за свою жизнь. Про револьвер в кармане он даже не вспомнил – в данной ситуации оружие было бесполезной железкой. Против системы с «наганом» не сладишь. Да и ни с чем не сладишь, в этом у Дроздова была непререкаемая уверенность.

– Что у тебя за информаторы, мать твою?! – продолжал реветь Свержин. – Как ты им доверяешь? Застал красного командира за блядством и решил раздуть из этого дело? Придушил бы я тебя, тварь! А? Можно подумать, сам никогда не пользовался! Или у тебя отсохло?

Матвей Афанасьевич продышался и рывком поднял подчиненного со стола. Оставив Дроздова стоять, он уселся в кресло, обитое натуральной кожей. Поговаривали, что человеческой, но Дроздов знал, что это досужие вымыслы. На са-

мом деле человеческой кожей у Свержина был обтянут лишь портсигар – его украшала натуральная зёковская татуировка.

Достав из портсигара папиросу, начальник прикурил от спички и уставился на Дроздова.

– Чего молчишь? – рыкнул он уже тише. – Докладывай! Во всех красках и подробностях! Тупица! Купчина недобитая!

– Ну зачем вы так, Матвей Афанасьевич? – юлил Дроздов. – Как лучше хотел! Я решил, что в любом случае следует задержать Петряхова. Никакое задержание не может быть лишним. В крайнем случае... – Дроздов подумал немного и ляпнул: – Оправдаем!

– Дурак ты, что ли, Дроздов? – Свержин изумленно окинул подчиненного взглядом с головы до ног, будто видел впервые. – Как мы можем его оправдать, если ты его уже сцапал? Органы не ошибаются, понял? Это тебе не при царе! Хорошо хоть изнасилование без ляпов сфабриковал, технично. Ну подумай! Из-за шлюхи придется хорошего человека расстрелять. Красного командира! Ну ладно, Петряхова мы расстреляем, на его душе немало крови. Не агнец. Ну а дальше-то что? Ты вот скажи мне теперь, мил-человек, что нам делать с Варварой Стаднюк? Где ее искать?

– Дома, где же еще? Или на фабрике... Ума-то у нее, как у курицы. К тому же она комсомолка. Не вижу ничего сложного.

При Свержине Дроздов старался ограничивать свою привычку к уменьшительно-ласкательным суффиксам и даже

старался употреблять те же слова, что и начальник. Несмотря на то, что знакомы они со Свержиным были чуть ли не с детства, медведеподобный громила пугал Максима Георгиевича. Пугал в основном тем, что власти ему партия выделила больше, чем Дроздову. И это очень портило их отношения. И Дроздов не сомневался – Свержин, если что, порешит его, бывшего дружка, в пять минут.

– А вот я сомневаюсь в том, что Варвара такая уж дурочка. Лучше бы ей ни о чем не догадываться, – нахмурился Свержин. – Если бы не твоя дурацкая провокация с этим Робертом, девка спокойно сидела бы дома и ждала братца с военных сборов. На кой ляд тебе понадобилось ее пугать?

– Я хотел выявить ее связи и пресечь их в зародыше, – отрапортовал Дроздов.

– Какой молодец! – Свержин выпустил изо рта густой клуб дыма. – А она раскусила твоего провокатора, дала ему ложную наводку и пустилась в бега.

– Не может быть! – стиснул кулаки Максим Георгиевич и, задрав подбородок, выставил вперед черный клинышек бородки. – Баба ведь, дура! Мозгов, как у курицы!

– Это у тебя мозгов, как у курицы, – усмехнулся Свержин. – Скажи-ка мне, мил-человек, если ты такой умный, почему Вари Стаднюк не оказалось у Петряхова? А? Молчишь? Так я тебе скажу. Я уверен, что она раскусила провокацию. Впрочем, к ней домой выехал наряд, так что мы с минуты на минуту узнаем, как все обстоит на самом деле.

– Бежать ей все равно некуда, – Дроздов покачал головой. – Даже если она перепугалась, не может же она не пойти на фабрику.

Начальник не ответил, попыхивая папиросой.

– Давай лучше подумаем, куда она могла податься и чего натворить, – произнес он. – Что известно о ее связях?

– Все. У нее есть три подруги, кроме того, хорошие отношения с мастером участка на фабрике. Есть друзья самого Стаднюка, но мы их всех взяли, а Роберт – мой информатор. Соседка, Вероника Павловна, помогает присматривать за стариком.

– Если все так просто, то спрятаться ей некуда, – сказал Сержин.

– Есть еще связи отца Варвары. Я там писал про него в докладе.

– Читал я твой доклад, читал. Хочешь сказать, что в экспедициях он мог познакомиться с кем-то, о ком мы не знаем?

– Это можно предположить. Кстати, с Петряховым Александр Стаднюк был хорошо знаком, им пришлось вместе повоевать на Урале, а затем в Средней Азии. Поэтому я и предположил...

– В задницу твои предположения. Давай-ка, освежи мне связи, которые нам известны.

– Во время войны у старшего Стаднюка на Урале была любовница. Но не думаю, что Варваре о ней известно. В Фергане он был очень дружен с неким Нуруло Зурамбековым, та-

мошным комсомольским вожаком. С местными тоже водил дружбу. Но не поедет же эта чертова девка в Фергану!

– А из ученых?

– Было двое профессоров. Один геолог, один востоковед. Обоих мы пустили в расход. Больше он из этой братии ни с кем не дружил – интеллигентики Стаднюка не очень жаловали.

– Понятно. Заграницу не будем рассматривать, туда Варваре точно не выбраться. Ладно. Я дам указания прошерстить по твоему списку.

Зазвонил телефон. Свержин поднял трубку.

– И что? Когда? Других соседей опросили? Заберите эту Веронику, может, что еще вспомнит. Все, отбой. – Он бросил трубку на рычаг и снова откинулся в кресле. – Вот тебе и курица. Нету Варвары дома. Как днем ушла, так ее и не видели. Спугнул ты птичку, спугнул.

– Можно мне задать один вопрос? – осторожно спросил Дроздов.

– Валяй.

– Почему вы не отдали мне приказ попросту пристрелить стаднюковскую сучку? Сразу. Или, как врага народа, по этапу пустить. Безгрешных-то нет!

– Этот вопрос подтверждает твои заурядные умственные способности. Скажи мне, ты вот хорошо себе представляешь, что станет со Стаднюком после нынешней ночи? Допустим, он услышит голос этого бога. Что дальше? Он начертит

нам схему невиданного оружия? Добровольно? А может, он сам превратится в невиданное оружие? У тебя плохо с фантазией, дорогой. А у меня хорошо. Поэтому я могу предположить, что после операции нам придется со Стаднюком договариваться, торговаться. Так что Варя нужна нам живой и желательно в доступном месте. И еще... Если со Стаднюком не произойдет ничего, если это все окажется досужими байками тибетских монахов, я тебя пристрелю.

– Да я сам в таком случае застрелюсь, – хмуро ответил Дроздов.

– Это правильно, – серьезно кивнул Свержин. – Это, знаешь, по-мужски. И мне хлопот меньше. Все, выметайся.

Дроздов толкнул дверь и с облегчением покинул кабинет. Спустившись по лестнице мимо вооруженного винтовкой красноармейца, он выскользнул во двор и поднял воротник пальто. Служебная «эмка» притулилась возле ворот.

– Сердюченко, – Максим Георгиевич сердито распахнул дверцу, – поехали.

– Ну что? Как там начальство? – тревожно спросил съевшийся на заднем сиденье Роберт.

– Нормальненько! – отрезал Дроздов.

Роберт перестал сутулиться и поправил очки.

– Значит, со мной все будет в порядке? – уточнил он.

– С тобой-то? – покосился Максим Георгиевич на Роберта. – Все будет хорошо. Поехали в Кусково, Сердюченко, заводи колымагу.

Роберт откинулся назад в тень салона и притих. Он усиленно думал, что означает это «все будет хорошо». Хорошо кому? Ему? Или Дроздову? Или Свержину? Хорошо – понятие растяжимое.

Машина с урчанием покинула двор и покатила по переулкам.

– Максим Георгиевич! Я – с вами? – робко поинтересовался Роберт.

– Со мной. Получишь новое задание. Покажу человечка. Войдешь с ним в контакт и будешь ждать указаний.

– А-а, – с облегчением протянул Роберт. – Понятно.

– Ну и славненько. – усмехнулся Дроздов и погладил бородку. – Кстати, этот человечек – девушка. Познакомишься, может, приятно проведешь вечерочек-другой.

Роберт совсем повеселел.

– С девушками я работать люблю! – радуясь предстоящей жизни, воскликнул он. – Эта Варька такая дура – вообще ни с кем. Лучше всех себя считает, гадина! А бывают такие... Нормальные комсомолки! С ними можно и пообжиматься, и кинишко какое посмотреть...

– Ни с кем, говоришь? – заинтересовался энкавэдэшник. – Откуда такая информация?

– Говорят, – неопределенно хмыкнул стукач. – Я знаю как минимум четверых, которых она отшила. Злились, рассказывали. А Люська, ее приятельница, как-то мы пили вино, обмолвилась, что Варька, мол, сама говорила, будто против-

ны ей все. Правда, Люська и совет – недорого возьмет. Но похоже на правду. Уж то, что ей все противны, это точно. А от брата ее, Стаднюка, я знаю, что по вечерам Варька все больше дома, за дедом смотрит, книги читает. Поступать собралась куда-то, хочет ученой быть, как отец. Надеется получить направление в вуз. – Роберт хихикнул, снял очки и придвинулся ближе к Дроздову. – Вообще у меня есть одно предположение! – прошептал он возбужденно.

– Ну?

– Мне кажется, что они со Стаднюком того.

– Чего того? – не понял Дроздов.

– Ну в смысле это... – запнулся Роберт. – В смысле как муж с женой. Они ж двоюродные! А то странно – и Стаднюк ни с кем, и она ни с кем. А?

«Оп-па, – подумал энкавэдэшник, чувствуя, как холодеет в груди. – А вот эту возможность я упустил из виду. Стаднюк мог соврать, что девственник, поскольку сестричка хоть и двоюродная, а все же сестричка. Если они спали хоть раз, то у меня могут возникнуть большие проблемы. Точнее, исчезнуть. У покойников проблем не бывает».

Даже если существовала хоть малая доля такой вероятности, то следовало обдумать, как спасти шкуру в случае чего.

Когда вдоль пробитой в снегу колеи потянулся лесок, за которым маячила замерзшая гладь пруда, Дроздов приказал шоферу свернуть и остановиться.

– Пойдем, Роберт, – обернулся он к стукачу. – Дама, о ко-

торой я говорил, работает здесь сторожем. В двух шагах. Я, понятное дело, туда не пойду, только покажу тебе домик. А ты уж придумай, как напроситься к ней в сторожку погреться. Валяй!

Парень выбрался в снег и протер запотевшие от мороза очки.

– Холодно. – Он поднял воротник шинельки.

– Правдоподобнее будешь выглядеть, – усмехнулся энкавдэшник.

– Может, не сегодня? Отчего такая спешность?

– Иди давай! Дело государственной важности! – подтолкнул его Максим Георгиевич, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно и по возможности добродушно.

Хрустя настом, они двинулись вдоль пруда. Вода замерзла не вся – недалеко от берега виднелась довольно широкая полынья, в которой плавали не улетевшие на юг утки. У Дроздова мелькнула мысль, что он похож на этих птиц – мог уехать с волной эмигрантов после войны, но поддался на уговоры Свержина и остался. Получается, что риск гибели во время перелета примерно равен риску погибнуть здесь. Вот замерзнет полынья, и что эти утки будут делать?

– Видишь домик? – Максим Георгиевич показал на едва различимое за деревьями строение. – Тебе туда.

– По-моему, там никого нет, – насторожился Роберт. – Даже света не видно.

– Пока еще не слишком темно. Девчонка керосин эконо-

мит. Давай, давай, я не собираюсь тут мерзнуть.

Роберт вздохнул и поплелся вперед, оставляя следы в глубоком снегу. Наконец ему надоело проваливаться по колено, и он вышел на лед, чтобы сократить дорогу. Когда он отошел шагов на тридцать, Дроздов достал из кармана «наган», взвел курок и проверил, чтобы патрон в барабане стоял напротив курка. Прицелился стукачу в спину и выстрелил. Звук – словно удар молотком по железной кровле – поднял притихших было ворон, и они закружились по небу черными тряпками. Утки тоже взлетели и скрылись в сумерках. Белый фонтан рикошета взмыл у самых ног Роберта, стукач коротко обернулся и припустил через озеро, петляя, как заяц. Возле полыньи он споткнулся так, что очки слетели с носа, но поднялся и побежал дальше. Дроздов снова прицелился, взяв поправку на расстояние, и выстрелил два раза подряд. Роберт дернулся, дико заорал, крутанулся на месте, и тут его догнала вторая пуля, распластавшая его тело на льду.

– Человек, – сказал Дроздов. – Еще одного человечка нету. Да и кому он был нужен.

В памяти снова полыхнул огонь, пожравший дачу и сволочного Богдана в подвале.

– Да. Человечки, – повторил приятное маленькое слово Максим Георгиевич.

Слово это превращало людей в кукольные фигурки. И жизнь становилась похожей на детский рождественский вертеп. Человек туда, человек сюда. Этого в коробку, а этот

еще попляшет. Только самому не хотелось быть таким человеком. Да вот беда – одно без другого не получалось.

Дроздов не спеша полез через сугробы к телу стукача, скрючившегося около полыньи.

Роберт лежал и подергивался всем телом, но крови на льду видно не было – все впитала шинель. Слышно было, как он, задыхаясь, бормочет еле слышным голосом:

– Ой, мамочка, больно-то как! Больно-то как! У-у-у-у!

Дроздов пару минут с мрачным наслаждением слушал этот скулеж, потом ему надоело. Он наклонился, спрятал револьвер с опустевшим барабаном и начал душить стукача. Тот выкатил глаза и судорожно шевелил губами, но произвести ничего не мог. Когда его взгляд остекленел, а зрачки стали превращаться в змеиные щелочки, Дроздов размял затекшие пальцы и спихнул тело в полынью. На льду, в свете угасающих сумерек, остались лежать никому не нужные очки. Максим Георгиевич поцепил их носком ботинка и отправил вслед за трупом.

Дойдя до машины, он стряхнул снег со штанов и расположился на заднем сиденье.

– Трогай, Сердюченко. В Сокольники.

«Эмка», тархтя и поскрипывая на ухабах, выбралась на проезжую колею и покатила в указанном направлении. Дорога с темнотой стала пустынной, трепещущий желтый свет фар выхватывал по обочинам лишь покосившиеся деревянные домики и телеграфные столбы. Дроздов вытянул из ре-

вольверного барабана стреляные гильзы, на ходу приоткрыл дверь и выбросил их в клубящуюся поземкой тьму. Иногда сквозь тарахтенье мотора слышался лай замерзших, изголодавшихся псов, реже мелькал в окне язычок керосинки. В эту минуту Максим Георгиевич люто ненавидел Свержина за то, что тот отговорил его ехать во Францию.

«Сбегу, – закрыв глаза, думал энкавэдэшник. – Сбегу при первой же возможности. Эта страна не для людей, здесь должны жить медведи. Им ведь без разницы, по колено снег или по пояс, и зима длиной девять месяцев им нипочем, и то, что солнце садится в пять вечера».

Он с болью в сердце вспомнил одну из своих служебных поездок в Париж. В марте там было тепло, как в Москве посреди июня, там играла музыка и пахло цветами, там женщины ходили в коротких пальтишках, а мужчины в пиджаках и шляпах вместо тулупов и шапок-ушанок. И еще там было светло. Господи, до чего же там светло! Тысячи электрических ламп – в домах, в уличных фонарях, в магазинных витринах... Даже автомобильные фары там светят ярче. И никаких керосинок!

«Эмка» остановилась у знакомой калитки. Дроздов с неохотой распахнул дверь и закашлялся от влетевшего в легкие ветра со снегом. Красноармеец во дворе стоял, как статуя, лишь собака чесалась, внося признаки жизни в дремучую безысходность окружающего пространства.

«Бежать отсюда, бежать! – думал Максим Георгиевич,

поднимаясь на крыльцо. — Только бы со Стаднюком все получилось. У меня при нем такой будет козырь в рукаве, что никто мне путь не закроет. Никто».

Он распахнул дверь и разделся. Тихо вошел в гостиную. Через приоткрытую дверь спальни было видно, как в свете настольной лампы Машенька читает брошюру. Услышав Дроздова, она захлопнула книжку, сунула ее в тумбочку и оглянулась.

— Как? — одними губами спросил энкавэдэшник.

— Спит, — так же неслышно ответила женщина.

— Пора будить, — уже в голос сказал Дроздов. — Зови Евгения Поликарповича.

Сам он вернулся в прихожую и оттуда по деревянным ступеням направился на второй этаж. По пути он остановился возле лепного цветка, украшавшего карниз на стене, за которой располагалась его личная комната. Украдкой оглянувшись, он прильнул глазом к отверстию, образованному не до конца раскрывшимися гипсовыми лепестками, и несколько секунд стоял неподвижно. Только после этого он взошел по оставшимся ступеням и отворил дверь в комнату. В ней не было ни одного окна — Максим Георгиевич больше доверял кирпичным стенам, чем хрупким стеклам. Закрыв за собой дубовую дверь, обитую изнутри железом, он зажег электрическую люстру, погасил тусклую лампу на трюмо, а зеркала самого трюмо повернул так, чтобы они не отражали комнату. Напротив трюмо звонко тикали напольные часы. Потом

Дроздов швырнул на стол револьвер и повалился на шикарную, застеленную атласом кровать. Он распластался, раскинул руки и опустил веки.

Это был отдых, способность к которому он по необходимости выработал за последние несколько лет. Десять секунд на расслабление и выравнивание дыхания, еще десять на погружение в особое состояние между сном и бодрствованием, когда мозг замирает, а сознание перестает быть, сохраняя открытыми все органы чувств. Сорок секунд неподвижности и покоя. Все! Другие палили себя кокаином, чтобы иметь возможность крутиться по несколько суток подряд, но от кокаина сердце превращалось в тряпчатку и в один прекрасный миг рвалось. Дроздов же хотел, надеялся еще исправить свою жизнь и воспользоваться ею по полной программе.

Максим Георгиевич распахнул веки и растер щеки ладонями.

– Подъем! – приказал он самому себе.

В голове еще шумело, но волна усталости откатила. Трое суток без сна – не смертельно для привычного человека, надо лишь уметь расслабиться на минуту, а затем снова за дело.

– За дело! – произнес Дроздов вслух.

Он поднялся с кровати и выдвинул ящик стола, в котором лежали несколько коробок с патронами. Понятно, что нынешняя ночь станет пиком продуманной до мелочей операции, но разве можно знать в точности, что ждет за этой вершиной – пропасть или исполнение всех желаний?

Дроздов набил барабан «нагана» и сунул оружие за пояс. Затем раздвинул створки трюмо и зажег ночник. Надо было идти, но он никак не мог сделать шаг. Он хотел бы помолиться, но Бог в таких делах – не помощник. Он охотно продал бы душу дьяволу, но рогатый ни разу не попадался ему на пути. Или попадался, но не интересовался Дроздовым.

В голове метались обрывки мыслей, всплывали в памяти мелкие неувязки и неучтенности, в особенности заявление Роберта, что Стаднюк мог переспать со своей кузиной и скрыть это.

«Не паникуй! – сжал кулаки энкавэдэшник. – И двигайся, двигайся! Под лежащий камень вода не течет».

Он погасил люстру, провернул ключ и распахнул дверь. Силы стремительно возвращались в тело, разум снова стал холодным и здравым. Сбежав по лестнице, Дроздов заглянул в ванную, помыл руки, поправил волосы и вернулся в гостиную, где его ждали доктор, Стаднюк в пижаме, немного опухший после долгого сна, и Машенька.

– Пациент в порядке, – сообщил Евгений Поликарпович.

– Отличненько! – энергично кивнул Максим Георгиевич и присел на кушетку. – Машенька, давай бегом принеси молодому человеку одежду для выхода. Брючки, курточку. Все, что приготовлено. Разберешься.

Машенька стремительно исчезла из гостиной.

– А вы, Евгений Поликарпович, – повернулся Дроздов к доктору, – свободны до десяти утра.

Через минуту гостиная опустела, лишь Павел остался стоять посреди нее, невольно ежась под буравящим взглядом Дроздова.

– Ну что? – усмехнулся энкавэдэшник. – Готов к подвигу? «А куда мне деваться?» – подумал Стаднюк и кивнул.

– Ну и отличненько. Ну что, Стаднюк, повезло тебе! Не каждый вот так, в одночасье, может стать всемирно известным героем. Ты хоть осознаешь, какое высокое доверие оказали тебе трудящиеся? Кто ты был? Маленький человечек. Человечек, – повторил Дроздов полюбившееся слово. – А станешь гигантом! Человечищем! Героем! Все тебя прославлять будут. В партию вступишь. В институт пойдешь учиться на советского пролетарского путешественника. Понимаешь ты это?

– Не очень, – в недоумении признался Паша. – Я не совсем представляю, что от меня требуется.

– Ничего, – похлопал его по плечу Максим Георгиевич. – Поймешь! Всему свое время.

Вошла Машенька, неся перед собой тяжелый тюк одежды, стянутый шпагатом. Бросив сверток на пол, она распечатала его, и Стаднюк с удивлением разглядел ватные штаны на лямках, овчинную куртку, какие носят летчики, и теплый летный шлем.

– Это мне? – в недоумении воскликнул Павел.

Он одновременно испытал несколько противоречивых эмоций. Во-первых, облегчение. Если принесли летную фор-

му, то, значит, речь идет о каком-то эксперименте, связанном с полетом. Это уже неплохо. Во-вторых, летчики в Советской Республике и правда герои. Но вот беда – в летчики брали только самых отборных и по здоровью, и по происхождению комсомольцев. И вдруг он, Павел Стаднюк, которого не взяли в географическую экспедицию даже чернорабочим, полетит на настоящем самолете?! Или дирижабле? Нет. Не может этого быть.

Он опять растерялся.

– Давай, Стаднюк, одевайся! – поторопил его Дроздов и повернулся к секретарше. – Машенька, что стоишь? Иди, не смущай человечка. Можешь до обеда отдыхать. Понятненько?

Когда секретарша покинула гостиную, Стаднюк сбросил пижаму и с волнением влез в новенькое летное обмундирование. Оно пришлось впору. Никогда еще Павел не ощущал на себе столько новой, великолепной одежды. Раньше он искренне считал, что она не для смертных, а для героических небожителей, вроде того, что изображен на пятирублевом дензнаке. Теперь же он сам был облачен в нечто подобное. Трудно было в это поверить, несмотря на реальность происходящего.

– Идем, герой! – Дроздов внимательно оглядел подопечного и подтолкнул его к выходу.

Они оба устроились на заднем сиденье «эмки», Сердюченко отбросил тлеющую папиросу и взялся за руль. Но не

успел он тронуть машину с места, как приоткрылась калитка, через которую, ежась от ветра, высунулась встревоженная секретарша.

– Максим Георгиевич! – позвала она. – Стойте! Вас вызывают!

– Что еще такое? – буркнул Дроздов, выбираясь из машины. – Кто там?

– Товарищ Свержин на проводе!

Энкавэдэшник вслед за Машенькой вернулся в особняк, пробежал в гостиную и поднял лежащую возле телефонного аппарата трубку.

– Слушаю, Матвей Афанасьевич! – сказал он, стараясь не выдать сбитого дыхания.

– До меня тут недобрые слухи дошли, – с угрозой в голосе пророкотал начальник. – Ты знаешь профессора Варшавского?

– Нет. Нет-нет! Совсем не знаю! – ответил Дроздов. – Но фамилию слышал. А кто ж не слышал фамилии Варшавского? Известный ученый. Профессор.

– Да не лопочи ты! Не тараторь, Дроздов! Лесняков мне только что сообщил, что этот профессор дважды писал в наркомат на имя Левченко.

– Так его же... вычистили.

– Да. Вычистили. И то, что его вычистили, это нам повезло. А тебе в особенности, если припоминаешь.

– Да. Я понял, – сказал Дроздов в трубку.

Он знал, что сейчас занимает место расстрелянного товарища, но ему показалось, что Свержин имеет в виду какое-то другое, более весомое везение.

– Первый пакет Левченко уничтожил, когда его брали, – продолжил начальник. – А вот второй получил уже Лесняков, – сказал он и замолчал.

– Так? И что? – осторожно спросил Максим Георгиевич.

– Дальше объясняю! – пророкотал Матвей Афанасьевич. – Он его прочитал, удивился и переправил Грозднову, нашему завнаукой. Если Грозднов его получил, мы с тобой можем принять очень неловкую позу.

– Что там? Что в этом пакете? – липкий холодок пробежал между лопаток Дроздова.

– Судя по всему, это выдержки из записок красноармейца Тихонова, который был в тибетской экспедиции вместе с твоим Богданом Грозовым. Если Грозднов получил пакет и поверил в написанное, он мог задумать то же, что задумали мы. Но с дневниками Тихонова у него больше шансов, чем у нас. Там могут быть подробности, которые тебе не удалось вытянуть из Богдана.

– А Лесняков? – заторопился с вопросами Дроздов. – Вы не узнавали? Он ничего не знает? Готовит Грозднов что-нибудь или нет?

– Когда успех дела неочевиден, его стараются проворачивать в тайне. На себя посмотри.

«Да уж, – невесело подумал Максим Георгиевич. – Сейчас

мне только соперника не хватало».

– Может, по каким-нибудь сторонним проявлениям можно узнать? – спросил он вслух.

– Сейчас это уже не важно, – буркнул Свержин. – В любом случае следует довести начатый план до конца. Даже если у нас будет своя расшифровка божественного послания, а у Гроздова своя, мы сможем попробовать договориться.

– Н-да... – озабоченно протянул Максим Георгиевич, на минуту забыв о субординации. – Неувязочка вышла. Ах, черт! Но это ведь не единственная неувязка, как я понимаю? Что-то ведь известно и самому профессору Варшавскому? С ним тоже надо поработать. А то ведь неизвестно, сколько он еще писем напишет и куда.

– Вот это ты брось, Максим! – рявкнул на том конце провода Свержин. – Вот с Варшавским этого не надо! Я напрямую тебе запрещаю применять к нему любые меры силового характера. Во-первых, он зарекомендовал себя абсолютно лояльным. Во-вторых, это тебе не Богдан и не Стаднюк. Даже не Петряхов – слишком заметен. Его ценят наверху! – Свержин подчеркнул это слово значительной паузой и продолжил: – Ценят за богатые научные знания, способные служить делу классовой борьбы. В случае чего его хватятся мигом, расследуют дело и натянут тебе яйца на лоб. Выгораживать не буду, потому и предупреждаю особо.

– Понял, Матвей Афанасьевич. Понял!

– Вот и хорошо. С другой стороны, через Варшавского мы

можем и по-тихому выяснить, что известно науке про Голос Бога. Что известно и предпринято по этому вопросу за границей. Выходил ли на связь с профессором Грозднов, а главное – в точности узнать, как Голос этого Бога услышать и правильно понять. А также что он может нам рассказать. В общем, запиши адрес Варшавского и заедь к нему по пути, когда повезешь Стаднюка на место.

– Уже садился в автомобиль, Матвей Афанасьевич.

– Давай-давай! Записывай. Значит, прямо сейчас и заедешь. Представишься комиссаром по надзору за наукой, спросишь про Грозднова и остальное. Сам знаешь, как такие штучки делают. Возможно, Варшавский скажет нечто такое, что пригодится тебе сегодня.

Максим Георгиевич записал под диктовку адрес. Это оказался Петровский бульвар, что привлекло внимание энкавэдэшника. На Петровском жил и Стаднюк с сестрой, причем точно напротив указанного адреса. Странное совпадение. Но делиться мыслями с начальником Дроздов не стал – тот не хуже его знал адрес стаднюковского дома.

– Все, – закончил Свержин. – И ни пуха тебе ни пера.

– К черту, товарищ Свержин.

Дроздов положил трубку, взял лежавший на столе пакет и снова его оглядел. Единственная надпись гласила: «Дроздову». Никаких грифов, никаких особых инструкций. Дрожащими пальцами он разорвал желтоватую оберточную бумагу и пробежал глазами начальные строчки на первом листе.

«Я, профессор Варшавский, считаю необходимым довести до сведения компетентных органов, что мне в руки случайным образом попала любопытнейшая информация, связанная с неизведанным явлением астрофизического порядка. Основой информации являются дневники красноармейца Тихонова, входившего в состав пропавшей экспедиции Советского правительства на Тибет».

Дроздов аккуратно сложил листки, сунул в карман пальто и вытер выступивший на лбу пот. В первую секунду он решил, что это третье письмо Варшавского в НКВД, но потом понял – второе. Кто-то в канцелярии попросту перепутал Дроздова с Гроздновым и переправил письмо не по адресу.

Максим Георгиевич потянулся к телефонному аппарату, но задумался и не стал поднимать трубку.

«Может, и не стоит никого посвящать в то, что письмо у меня. Затерялось – и все. Концы в воду. А к Варшавскому я заеду. Теперь это обязательно следует сделать».

Он вернулся в машину и захлопнул заднюю дверцу.
– Сердюченко, кати в центр, на Петровский бульвар.

ГЛАВА 8

28 декабря 1938 года, среда.

Москва, Петровский бульвар

Варя, поджав ноги, сидела в тяжелом кожаном кресле и всхлипывала. Посреди огромной гостиной высилась наряженная елка, стен не было видно за дубовыми стеллажами с книгами. На каминной полке в рамочке под стеклом красовалась аляповатая грамота с надписью: «Тов. В. С. Варшавскому, профессору-большевику, от имени трудового народа».

– Не реви! – буркнул пожилой мужчина, выходя из дверей кабинета. – Я не могу работать, когда ты плачешь! Мы же с тобой договорились, что завтра все разузнаем. Не может же просто так пропасть человек в Стране Советов!

– Его забрали... – в который уж раз повторила Варя и заревела навзрыд.

– Ну с чего ты взяла? – профессор встал возле кресла и осторожно погладил девушку по голове. – Ну пожалуйста, не реви.

– Мне Роберт сказал, а все знают, что он у них стукачом прислуживает!

– Ну что за терминология, – поморщился хозяин квартиры.

– Хорошо, пусть информатором. Какая разница?

– Надеюсь, ты ему не сказала, к кому собираешься пойти за помощью?

– Сказала! – мстительно процедила сквозь зубы девушка. – Пусть они теперь следят за квартирой товарища Петряхова!

– До чего же ты любишь совершать необдуманные поступки! Это ведь все пустые домыслы, не мог Петряхов быть виновным в смерти твоего отца.

– Вовсе не домыслы, – хмуро ответила Варя. – Уже после похорон папа приснился мне и рассказал, что это Петряхов посоветовал ему взять проводником Асланбека.

– Сон тут ни при чем, – отмахнулся профессор Варшавский. – Послушай специалиста по психологии. Про Асланбека ты и без всякого сна знала, и то, что отец твой был недоволен подготовкой экспедиции, он тоже тебе писал. Но даже если именно Петряхов посоветовал нанять Асланбека, это еще не говорит о злонамеренности. Он мог сделать это по глупости.

– А я думаю, говорит, – возразила девушка. – Петряхов ведь не знал, что мама не захочет жить без отца... Я же видела, как он перед ней хвост распускал!

– Прекрати! – разозлился профессор. – Что ты, девчонка, тогда могла понимать! – Он закашлялся, с непривычки сорвав голос. – В любом случае тебе не стоило его подставлять.

– Почему?! – Варвара подняла на собеседника полные

привычного усталого отчаяния глаза. — Почему?

— Это... — Профессор удивился самому вопросу. — Это подло.

— А что мне еще оставалось делать? Не могла же я сказать Роберту, что обращаюсь за помощью к вам?

— Нет. Этого определенно делать не стоило, — ответил Владимир Сергеевич без прежней горячности в голосе. Он помолчал, потом придвинул к креслу, в котором сидела девушка, стул и сел. — Но ты должна знать, что я не сторонник таких жестких мер. Я стараюсь не вмешиваться в ход событий, а держаться от него в стороне.

— Тогда зачем вы им помогаете? — выпалила Варвара.

— Кому им? Советской власти? Могу объяснить. — Профессор прочистил горло и начал рассказывать таким голосом, каким обычно читают много раз читанную лекцию: — Конечно, не все совершенно в молодом революционном государстве. И я прекрасно вижу, что новый порядок еще слишком молод. Всякая система подобна организму. Группы людей, государства и целые расы повторяют в своем развитии путь одного человека. Детство, юность, молодость, зрелость... — на этом профессор остановился, выбросив из перечня старость и смерть. — Так вот. Если мы рассмотрим подобную аналогию, то поймем, что молодости свойственен максимализм. Молодые часто бывают в некотором роде жестокими. Они не умеют прощать ошибок, потому что сами еще не совершили их достаточно и совершают их. Позже на-

ступает зрелость, человек или государство мудреет, и все переходит в более мирное русло.

— А за спиной остаются горы трупов, — буркнула Варя. — Что вы говорите, профессор!

— Не сгущай краски, Варенька. Да, есть жертвы. Но при любой власти сейчас были бы жертвы. Просто время такое. Жестокое. Я действительно помогаю большевикам своими знаниями, но помогаю им прежде всего повзрослеть. Ничего другого сделать я не могу, а отстраниться не считаю себя вправе. Я люблю Родину и хочу видеть ее цветущей. Хотя бы в будущем. Она выживет, старые корни дадут новые свежие побеги, и когда-то родится племя, не знающее страха. Счастливое, свободное племя. Вот и все! И давай закончим на этом.

Варя покачала головой, и профессор вздохнул.

— Ладно, я не собираюсь тебя переубеждать, ты тоже еще очень молода. По твоему вопросу вот что. У меня есть связи там, наверху, и завтра я справлюсь насчет Павла. А теперь... Наверно, тебе пора домой?

Варя поднялась с кресла и уже хотела покинуть профессорский дом, но, вспомнив выжившего из ума деда, отсутствие брата и весь сегодняшний день, остановилась. Ей не хотелось оказаться в полупустой, прокуренной квартире, где не было даже елки. Они с Пашей собирались купить ее тридцать первого. А теперь... Она прерывисто вздохнула, стараясь не заплакать.

– Владимир Сергеевич! – воскликнула она. – А можно остаться у вас? А? Я так боюсь!

– Но тут до твоего дома два шага. Через бульвар перейти! – удивился профессор.

Девушка помотала головой, и профессор понял, что она вот-вот снова заплачет.

– Боюсь... – прошептала она.

– Ладно, оставайся, – смягчился профессор. – Чаю хочешь?

Варя кивнула.

– Ли! – позвал профессор.

В дверях столовой показался невысокий крепкий китаец лет сорока на вид. Два передних зуба у него были золотыми, что придавало его улыбке оттенок комичности.

– Да, профессор, – с легким поклоном произнес он на очень хорошем русском.

– Приготовь нам чаю, будь любезен, – попросил его Варшавский. – Мне зеленого, девушке черного. С сахаром.

– Ой! Да не надо лишних хлопот! Мне тоже зеленого! – Варя было неудобно. Она считала, что и так доставила хлопоты уважаемому профессору, а теперь еще и чай для нее специально делать. – Прошу вас, не надо!

– Не думаю, что тебе понравится зеленый, – пожал плечами Варшавский. – Ладно, попробуй. Ли, сделай нам в таком случае чайник и три чашки. Ты ведь присядешь с нами?

Китаец кивнул. Варя глянула на него мельком, и взгля-

ды их встретились. На азиатском лице трудно было прочесть эмоции, но девушке показалось, что по нему пробежала едва заметная тень любопытства. Тихо развернувшись, Ли скрылся в столовой.

– Ли – большой человек! Герой! – негромко сказал профессор. – Он, можно сказать, спас всю нашу противооспенную бригаду. Товарищ Ли был у нас проводником, а я руководил группой. Когда мы совершали переход к высокогорному кишлаку, на караван напали басмачи Корзубека. Товарищ Валерий не успел даже «маузер» выхватить – его убили из винтовки. Еще несколько человек погибли в короткой перестрелке. В группе началась паника, нас плетьюми согнали в кучу, связали и погнали к границе. Но утром, после первой же ночевки, басмачи недосчитались двоих караульных – они без следа пропали. Этим же днем трое бандитов, ехавших в авангарде, попали под камнепад и погибли вместе с лошадьми. Оставшиеся трое решили остановиться, собрать всю вакцину и послать с ней гонца к Корзубеку. Гонец не вернулся. А ближе к вечеру из-за скалы раздались два выстрела, и оба басмача рухнули на землю. Как же мы обрадовались, когда на поляну вышел улыбающийся Ли с «маузером» Валерия! Он и вакцину вернул, и довел нас до кишлака. Позже, когда меня назначили доктором в крепости, китаец взялся работать поваром. Мы часто встречались, и оказалось, что с ним интересно беседовать. Он рассказывал мне о действии трав и о лечении иглами, а у меня расспрашивал про гипноз.

Меня удивляло и радовало, с какой жадностью и легкостью он впитывает полезные знания. Когда пришло время возвращаться в Москву, я спросил, не хочет ли он поработать поваром у меня. Он согласился. Я очень уважаю Ли.

Китаец вновь появился в гостинной, держа в руках толстый деревянный поднос с решеткой. Он поставил сооружение на стол, и Варя увидела расставленные на решетке круглый глиняный чайничек, малюсенькие глиняные стаканчики и чашечки и круглобокую глиняную же скульптурку восточного божества.

Ли снова исчез, после чего вернулся, держа в одной руке спиртовку, а в другой большой сферический чайник. Установив спиртовку прямо на полу, китаец зажег ее от спички и повесил большой чайник над огнем. Затем он взял у камина пуфик и устроился возле спиртовки. Из склянки с притертой пробкой он высыпал в маленький чайник толченые листья и, когда вода в большом чайнике вскипела, начал медленно заливать кипятком.

– Нашу гостью зовут Варвара Стаднюк. Варя, – представил профессор гостью.

– Очень приятно, – кивнул с улыбкой китаец, не отрываясь от чайных забот. – А мое имя Ли. Короткое, да? У русских длиннее.

Его золотые зубы задорно блеснули.

Варя улыбнулась ему в ответ, чувствуя себя неловко. Она не знала, как вести себя в обществе иностранца, но больше

всего ее смущала толстая коса, украшавшая прическу Ли. Обычаи, конечно, разные бывают, но чтобы мужчина с косой – это уже чересчур!

– Чай должен завариться, – пояснил китаец. – Он должен отдать кипятку энергию Чи, накопленную от солнца, земли, воды и ветра. В потреблении этой энергии и есть смысл чаепития. Кроме того, ожидание и размеренность делают дух более стойким.

Девушка украдкой скосила взгляд в сторону профессора – она никогда не слышала о таинственной энергии Чи, поэтому боялась, что теория китайца может выйти за рамки материализма. Но Варшавский ничем не выказал иронического отношения к происходящему. Варя решила, что энергия Чи – это некая аллегория, вроде классовой энергии, о которой писал в своей книге Залкинд. А может, это одно и то же, поскольку Залкинд пояснял лишь способы сбережения классовой энергии, но ничего не говорил о ее накоплении.

– А напрямую от ветра, воды и земли человек не может получить Чи? – спросила она для поддержания беседы.

Варшавский удивленно вздернул брови, а китаец спокойно пояснил:

– Может. Но обучение этому занимает много времени. У чая же эта способность есть изначально. Почему бы ею не воспользоваться?

– Только у зеленого?

– Нет. В черном тоже есть. Но в нем чистой энергии оста-

ется меньше, чем в зеленом.

Ли разлил чай в стаканчики и накрыл их чашечками. Затем он перевернул свой стаканчик, закрытый чашечкой так, что чай оказался в чашечке, а стаканчик он поднес к носу и долго нюхал его, трепеща ноздрями. На лице его появилось выражение, похожее на выражение Будды – индусского бога, лицо которого Варя видела в отцовском журнале.

Варшавский проделал все в точности, как китаец.

«Наверное, это обязательный ритуал», – подумала Варя и – р-раз! – тоже перевернула свой стаканчик, закрытый чашечкой. Так же, как китаец и профессор, поднесла пустую чашечку к лицу.

Аромат пробежавшего через жасминовые заросли ветра и прогретой на солнце земли заструился в ноздри. И Варе на миг почудилось, что она унеслась в далекую чудесную страну. На миг ей показалось, что она увидела горный пик, за который зацепилось сияющее белизной облако.

Все сделали по маленькому глотку, и Варя тоже.

Чай оказался густым и терпким, но оставлял целый каскад послевкусий – сначала привкус отломанной с крыши сосульки, потом травинки, зажатой летом между зубами, а в самом конце суховатое ощущение, как от шуршащих под ногами осенних листьев. Варя поставила чашечку на стол и с нарастающим изумлением ощутила во рту привкус январского снега, когда сомнешь его в комочек и откусишь хрустящий кусок. Круг замкнулся.

– Ну как чай? – спросил Ли. – Вкусно?

– Ой! – вздохнула Варвара, переполненная эмоциями. – Так удивительно. Не знаю даже, как слова подобрать. Как будто во вкусе этого чая уснул целый год, а потом проснулся, когда я попробовала.

– О! У тебя литературный талант, Варенька, – усмехнулся Варшавский. – Как сказала-то! Не всякий писатель так скажет. Ли, расскажи нам про чай, пожалуйста.

– Пожалуйста-пожалуйста! – кивнул Ли и охотно начал рассказ: – Каждый сорт чая собирают в определенное время и в определенном месте. Чай хранит в своем запахе ощущение места, а во вкусе – смену сезонов. Для чая важно и время года, и время суток, когда его собирают. Даже вода важна для вкуса чая. Для самого дорогого чая воду собирают со сливовых листьев. Этот чай, который мы пьем, не очень дорогой. Называется «Облачный пик». Он растет в моей родной провинции.

– Ой! – воскликнула Варвара. – Как все это удивительно!

Про видение вершины с зацепившимся облаком она говорить не стала. Профессора постеснялась. Это уж точно за пределами материализма. Или, может, материализм имеет более широкие пределы, чем ей говорили?

– У тебя красивый платок, – Ли снова улыбнулся Варе.

– Да, красивый! Говорят, он очень модный, но мне просто понравилось, – смутилась Варя. – Это придумала Зульфия Ибрагимовна, наш ответственный художник на фабри-

ке. Какой-то особый способ печати на шелке. Он позволяет в сто раз повысить выход готовой продукции. Зульфию Ибрагимовну за это изобретение наградили дипломом. Она очень талантливая. Ну просто очень! Если бы не она, на фабрике была бы такая тоска!

– Интересно-интересно! – воскликнул профессор и потянулся к кончику Варвариного платка. – Надо же! Очень любопытный платок. Можно посмотреть поближе?

– Да, конечно, – кивнула Варвара и, сняв платок, протянула его профессору. – Вот.

– Так-так-так! – Профессор расправил платок и вертел его перед глазами, покачивая головой и прицокивая языком. – А ты знаешь, что за узор на этом платке? – сказал он. – Это клинопись! Древнее шумерское письмо. Такими буквами писали пять тысяч лет назад в Междуречье. Странно, что ваша Зульфия Ибрагимовна знает такие вещи. Наверное, она очень образованный человек.

– Да! Она очень умная, – кивнула Варя. – А вы можете это прочесть?

– Ну нет, я не специалист в этой области. – Варшавский развел руками. – Вот мой знакомый, профессор Шилейко, запросто назвал бы тебе каждый знак. Он всю жизнь занимается только Шумером и даже выучил шумерский язык. А ваша Зульфия Ибрагимовна, скорее всего, использовала отдельные знаки из какой-нибудь научной публикации, а не осмысленный текст. Она могла их взять, например, из жур-

нала «Восток», где печатался Шилейко. Вот посмотри, одни и те же знаки повторяются слишком часто. В осмысленном тексте такого быть не может, а в орнаменте это как раз и ценится. Но все равно, это не умаляет достоинств Зульфий Ибрагимовны. И подтверждает мою теорию. Вот такие люди и спасут нашу страну. Люди интересующиеся, энергичные, любящие свое дело.

– Может быть, – прошептала Варя со вздохом, принимая назад свой платок. – Только не все доживут до этого дня, к сожалению.

Она украдкой посмотрела в совсем уже темное окно, завешенное тюлевой занавеской. Окна Вариной квартиры, вернее, квартиры отца, выходили прямо на Петровский бульвар и были отлично видны из квартиры профессора. В большой комнате, где любил, сидя под репродуктором, курить дед, окна светились электричеством, и Варя успокоилась – значит, тетя Вера приходила. Накормила деда, включила ему свет. А незваных гостей там, наверное, еще нет, подумала девушка. Они бы свет включать не стали.

Чай в маленькой чашечке остывал быстрее, чем в обычном стакане, его было удобно и приятно пить, не обжигая язык. Варя допила чашечку залпом, и Ли снова наполнил ее стаканчик.

После второй порции Варя ощутила отчетливый прилив бодрости, настолько сильный, что он походил на опьянение. Он только не был тяжелым, как опьянение, а наоборот – лег-

ким и радостным.

«Все с Павкой будет в порядке, – подумалось ей. – Профессор Варшавский поможет обязательно. Отец о нем очень тепло отзывался. И наверху его ценят. Значит, все будет хорошо».

Напряжение дня стремительно покидало ее, наполняя тело золотистым сиянием и жаждой деятельности.

– Очень хороший напиток, – сказала она, обращаясь больше к Ли, чем к профессору. – Он убивает все дурные и бесполезные мысли.

Ли улыбнулся, и вокруг его глаз появились морщинки, как лучи вокруг солнца.

– К сожалению, не каждый может себе позволить такой, – вздохнул Варшавский. – Но от имени трудового народа мне выдают не только грамоты.

«Да он их грабит! – мелькнуло у девушки в голове. – Большевики грабят народ. А профессор их. Понятно, что он взялся грабить большевиков, потому что ничего другого не может с этой властью поделать. Он почти как Робин Гуд. Только Робин отдавал деньги бедным, а что делает с деньгами профессор? Не все же на чай уходит! И что отдает взамен – тоже неизвестно».

Она взглянула на Варшавского с новым интересом. Похоже, есть какой-то способ жить в этой стране и не стать тлей, винтиком, картонной фигуркой или даже карандашным рисунком на бумаге, который можно просто стереть.

Ли трижды наполнял кипятком чайник, и с каждым разом вкус чая менялся, приобретая под конец уже не терпкий, а сладкий, прямо-таки медовый оттенок. Голова слегка пошла кругом. Китаец выплеснул остатки кипятка на фигурку божка, которая все это время молчаливо наблюдала за людьми с края подноса, и неожиданно божок засвистел, как бы в благодарность за приношение жертвы.

– Как это? – удивилась девушка.

– Очень просто, – усмехнулся Ли. – Воздух. Внутри фигурки воздух, кипяток нагревает его, и он выходит наружу через свисток.

Варя подумала, что объяснение простое и реальное, но это не уменьшает его чудесности. Наверное, это и есть счастье: когда простое – чудесно!

– Пора спать, – сказал профессор. – Спальню я позволю себе оставить за собой, с китайцем в одной комнате тебе тоже отдыхать не стоит...

– Что вы такое говорите! – смутилась Варя.

– Да нет! Я не это имел в виду, – усмехнулся профессор. – Ли по ночам занимается, ты можешь помешать ему. Или он тебе. Не смущайся и не сердись!

Глаза Ли снова превратились в два солнышка, а золотые зубы коротко блеснули в электрическом свете. Он уже собирал приборы, составляя их на решетку подноса-короба.

– В общем, спать будешь в кабинете, – закончил Владимир Сергеевич. – Там есть диван. Захочешь почитать перед

сном – книги в твоём распоряжении. Ключ в скважине, если боишься, можешь запереться. Лампу перед сном погаси.

Варя кивнула, переступила порог кабинета и заперла за собой дверь. Через полукруглое окошечко над дверью в кабинет попадал свет из гостиной, проявляя из полутьмы занавешенное окно, стол, полки с книгами от пола до потолка и тяжелый письменный стол, на котором стояла лампа с грибовидным абажуром. Зажигать свет не было ни малейшей необходимости, читать не хотелось, поэтому Варя стянула платье, чтоб не помять, взяла с кресла плед, укуталась и свернулась калачиком на диване.

Сон не шел. Варя решила, что, наверное, в чае было слишком много волшебной энергии Чи, так что теперь она гуляет внутри тела теплыми волнами и пока не успокоится – не уснуть. Однако время от времени разум проваливался в дремоту, рисуя перед мысленным взором облачный пик и китайцев, собирающих урожай чая на горном склоне. Ничего подобного Варя в жизни не видела – это было во сто крат интереснее, чем кинокартина в Клубе ткачей.

Странно только, что китайцы переговаривались по-русски, да и тема разговора оказалась далека от сбора чая.

– Но позвольте! С кем имею честь? – спросил один китаец.

Второй ему ответил:

– Зовут меня Дроздов Максим Георгиевич. Работаю комиссаром по науке в НКВД. Этого, полагаю, достаточно.

– Более чем, – сказал первый китаец.

На этом месте китайцы исчезли, а вместо них из сияющего золотом пространства показался чайный божок. Он кружился на месте, точно бумажный кораблик в водовороте ручья, и свистел.

Потом на берегу снова появились китайцы. Один стоял на одном берегу ручья, второй на другом. Они по очереди подзывали к себе китайского божка, и он плыл к ним, как утки на Патриарших прудах плывут за кусочком хлеба.

– И как к вам попали дневники Тихонова? – спросил китаец Максим Георгиевич, прикрываясь рукой от солнца.

– Во время работы на Памире мне довелось держать их в руках, – ответил другой, поправляя на спине большую плетеную корзину. – Но, к сожалению, из крепости я не мог отправить посылку, а потом, во время нападения Корзубека, все бумаги погибли в пожаре.

– То есть письмо вы писали по памяти?

– Да. Я писал трижды. Один раз из Ленинграда, после возвращения с Памира и два раза уже в Москве. Про ленинградское письмо я позже узнал, что директор института не дал ему хода, а уничтожил как противоречащее идее материализма. Он побоялся, что в органах его могут не так понять. На второе письмо я не получил никакого ответа, а третье вот, у вас.

– К сожалению, я получил его лишь несколько часов назад и не успел внимательно ознакомиться. Понял лишь, что важное событие космического масштаба начнется этой ночью и

будет продолжаться в течение трех суток. Вы сообщаете, что в дневниках Тихонова событие названо «Голосом Бога».

– Это термин Тихонова, – сообщил китаец с корзиной. – Может быть, это термин Богдана, со слов которого Тихонов делал записи. Но, что наиболее вероятно, это термин первоисточника, созданного монахами в одном из тибетских монастырей. Мне он не очень нравится, хотя в какой-то мере передает суть.

– В чем же, по-вашему, эта суть заключается?

Варя раскрыла глаза, отогнав видение собирающих чай китайцев. Но голоса не исчезли.

– Н-да... Непростой вопрос.

Девушка поняла, что это говорит профессор Варшавский в гостиной, а вот голос его собеседника она слышала впервые.

– Так вот, Максим Георгиевич, – продолжал Варшавский. – Я, понимаете ли, привык говорить языком науки, а перевод в повседневные термины меня утруждает. Теряется четкость мысли.

– А вы не беспокойтесь, – ответил Дроздов. – Если мне покажется, что я упускаю нечто важное, я попрошу вас рассказать все подробненько.

– Как вам будет угодно. Значит, вы хотите знать суть?

Варя поднялась с дивана и, стараясь не шуметь, на цыпочках шагнула к двери. Осторожно вытащив ключ, она прильнула к замочной скважине и разглядела Варшавского со

спины, а его собеседника в профиль. Тот сидел в кресле напротив Варшавского. Это был видный мужчина, высокий, жилистый, ухоженный. Особенно бросалась в глаза его аккуратненькая борода и страшные неподвижные глаза. Она даже испугалась, что он увидит этими буравящими глазами, как она прячется за дверью. Тогда и ей несдобровать, и профессору. Но еще страшнее было отвернуться от замочной скважины и не видеть этого зловещего человека. Господи! Как профессор с ним разговаривает так запросто, и даже голос его не дрогнет? Она умерла бы. От такого не сбежишь, как от товарища Андрея, и не обманешь его, как туповатого трусливого Роберта.

– Суть-то суть, – произнес задумчиво пришелец и потребил свою бородку. – Понимаете, профессор, есть суть, а есть главное! В данном случае, выражаясь научным языком, главным является то, как услышать Голос этого Бога.

– Я бы назвал это практической стороной вопроса.

– Как хотите это называйте! – пренебрежительно вздохнул Дроздов. – Только объясняйте поскорее. Часики стучат, минутки бегут. Времечко бежит... Понимаете, профессор? А жизнь одна!

– Одна, – вздохнул профессор. – Но боюсь, что без сути явления практическую сторону объяснить будет сложно.

– А вы не бойтесь. Если что, мы позаботимся о вас.

– Хорошо, – мягко сказал Варшавский. – Вы можете себе представить межпланетное пространство?

– Могу, – криво ухмыльнулся Максим Георгиевич. – Давайте не тяните! Мне некогда!

– Отлично. – Варшавский пропустил грубость мимо ушей. – Тогда вы знаете, что, кроме нашей планеты, по орбитам обращается множество иных небесных тел. Только наша планетарная система состоит из девяти планет, а возможно существование несчетного множества других планетарных систем, обращающихся вокруг других звезд.

– Это важно?

– Очень! Дело в том, что все небесные тела обращаются по орбитам согласно законам Кеплера, и их движение так же постоянно и так же предсказуемо, как, к примеру, вращение шестерен в часовом механизме. Еще в Древнем Шумере жрецы умели предсказывать солнечные и лунные затмения. Когда спутник небесного тела совершает полный оборот вокруг него, это называется циклом. Так вот циклы, что важно, весьма отличаются друг от друга по времени. Так, Земля обращается вокруг Солнца за 365 дней, а дальние планеты описывают свой цикл за столетие. Теперь представьте себе сложную систему из множества шестерен, вращающихся с разными скоростями. На каждой из них мы мысленно сделаем отметину только в одном месте. И смею вас уверить, что рано или поздно наступит момент, когда все эти отметины будут указывать в одну сторону.

– Обязательно? – вздернул брови Дроздов.

– Непременно! – уверил его профессор. – Если же с точно-

стью знать скорость обращения каждой шестерни и начальное положение отметин на каждой, то при помощи математических вычислений можно предсказать точное время такого события.

– Выходит, что и планеты могут выстроиться в одну ровную линию?

– Совершенно верно. Такое явление случается время от времени. Вы прекрасно понимаете ход моих разъяснений. Теперь пойдем дальше. Дело в том, что не только планеты обращаются вокруг звезд, но и сами звезды обращаются вокруг некоего центра, называемого центром Галактики. Кроме планет и звезд, межпланетное пространство местами заполнено облаками черной, непроницаемой для света пыли.

– Вы пытаетесь сказать, что вся эта сложноорганизованная материя могла образовать нечто вроде межпланетного разума?

– Это ваш собственный домысел? – осторожно спросил Варшавский.

– А что?

Профессор рассмеялся.

– Довольно странно услышать это из уст человека, не имеющего отношения к науке.

– Вы же не думаете, что в НКВД работают дурачки?

– Увольте, конечно же, нет. Но подобная догадка возникла бы не у каждого ученого! Однако, простите, мы несколько отвлеклись от темы. Несмотря на оригинальность вашей

теории, я хотел сказать о другом. Представьте себе, что где-то в глубинах межзвездных пространств вращается небесное тело, способное излучать в пространство волны некоторой длины.

— Радиоволны? — заинтересовался Дроздов. — Такое возможно?

— Ну, возможность некоторых небесных тел испускать радиоволны убедительно доказана Карлом Янским, американским радиотехником, в тридцать первом году. Он зафиксировал источник радиошума в созвездии Стрельца. Но надо сказать, что спектр излучений не ограничивается только знакомыми нам радиоволнами. Он много шире и включает в себя свет как видимый, так и недоступный глазу, а также некоторые виды корпускулярных излучений. Но сейчас неважно, какова природа предполагаемого нами междупланетного источника корпускул, мы лишь предположим, что мощность его такова, что поток испускаемых им излучений может достигнуть Земли. И еще мы допустим, что излучение не распространяется от него во все стороны в мировое пространство, а имеет узкую направленность, как луч карманного фонаря. При таких условиях поток излучения не будет ощущаться на Земле постоянно, а станет результатом множественного совмещения орбитальных обращений, как в описанном мною примере с шестернями. Таким образом может возникнуть эффект периодического достижения Земли потоком корпускул. И если этот поток хотя бы дважды был

замечен предыдущими развитыми цивилизациями, то они могли с точностью предсказать время его последующего появления.

– Пойдите! – напрягшись, прервал его Дроздов. – То есть вы хотите сказать, что Голосом Бога древние могли назвать просто некий радиосум от природного межпланетного источника? Но какой от него прок для нас? Человек не радиоприемник! Насколько я понимаю, речь шла о некоем послании, в котором зашифровано важное техническое открытие. Или даже точнее – зашифрована схема невиданного оружия для победы мировой революции.

Пришелец впился взглядом в лицо профессора Варшавского так, что Варя испугалась – не прожжет ли этот взгляд дыру в голове профессора. Варшавский же не только не отклонился от этого взгляда, но и ничем другим не выказал стеснения.

– Ну, сам по себе факт наличия в мировом пространстве такого источника может помочь науке в разгадке некоторых тайн... – пробормотал профессор Варшавский.

– Да к черту ваши тайны и секретики для кисейных барышень! – взвизгнул резким голосом человек с черной бородкой. – Мы тут все из кожи вон лезем, а получается, что напрасно?

– Я бы не стал так спешить с выводами, – Варе показалось, что профессор тонко издевается над энкавэдэшником. Он говорил тем голосом, которым обычно читают лекции. –

Вы знакомы с термином «ассоциативное мышление»?

– Знаком. Это что-то из психологической науки.

– В общих чертах да. Я не буду вдаваться в длинную лекцию о сигнальных системах живых организмов, скажу лишь, что одна из сигнальных систем человека позволяет получать физический ответ на словесные раздражители. К примеру, если сказать «лимон», у многих людей возникает избыточное слюноотделение, как если бы они действительно попробовали нечто кислое. Так вот, это касается не только слов, но и других раздражителей – зрительных, обонятельных, осязательных. Если мужчине показать фотографию или даже не очень подробный рисунок обнаженной женщины, у него с большой вероятностью возникнет эрекция.

Варя не ожидала услышать подобное от профессора, и у нее жарко вспыхнули щеки.

– Ну, это понятно, – нахмурился Дроздов. – И что из этого следует?

– А то, что не только под воздействием таких прямых и однозначных сигналов возникают реакции нашего организма. Вы никогда не слышали музыки в завывании ветра? Барабанной дробы в ударах дождевых капель по крыше?

Варя почувствовала, что слова Варшавского, произносимые все более монотонным и размеренным голосом, производят на нее странное действие – кровь отлила от щек, а в голове словно образовался медленно растущий снежный ком. Кончики пальцев тоже похолодели. Несмотря на несколь-

ко заторможенное состояние, она слышала каждую фразу и могла в какой-то мере понять ее смысл. Она видела, как побледнело лицо Дроздова и как он начал медленно клониться вперед, словно кролик, неосознанно ползущий в пасть удава.

– Яркие вспышки, – продолжал профессор, – складываются в узоры, и ты сможешь увидеть суть мироздания, если будешь безотрывно на них смотреть, слушая мой голос. Спокойствие силы и всемогущества охватывает тебя. Ты сможешь иметь власть над всем миром, если точно выполнишь все, что велит тебе этот голос.

На какое-то время Варя полностью утратила контроль над собой, погрузившись в черное ничто без времени, без пространства, без всяких меток для памяти. Как долго это длилось, она не знала, но выпала из забытья, больно стукнувшись носом о дверь. Из глаз брызнули искры. Может, если бы Дроздову кто-нибудь влепил кулаком по носу, он бы тоже очнулся, а так он сидел напряженный, с побледневшим лицом и внимательно слушал каждое слово профессора.

– Ты идешь по коридору, – добивал его словами Варшавский. – Берешься за ручку двери. Тебя пропускают. Доложи о прибытии, тебя ведь вызывали!

– Прибыл по вашему приказанию, товарищ Свержин, – еле слышно произнес энкавэдэшник.

Варя испугалась. Он говорил, как оживший мертвец из самого жуткого ночного кошмара. Профессор царапнул карандашом по бумаге, сделав пометку в тетради, и спросил:

– Когда ты получил письмо от Варшавского?

– Сегодня вечером, товарищ Свержин.

– Какие меры ты уже предпринял по нему?

– Никаких. Я сразу после разговора с вами по телефону отправился к профессору на Петровский бульвар, как вы и велели.

– Хорошо. Ты внимательно ознакомился с текстом письма?

– Нет. Но с первой страницы ясно, что текст содержит информацию, затрагивающую интересы Советского государства. На мой взгляд, так же важно, что сам Варшавский является носителем этой информации. Мне кажется, было бы оправданно подстроить гибель Варшавского, к примеру, в автомобильной аварии по вине водителя.

– Это я категорически тебе запрещаю! – отчеканил профессор. – Запрещаю! Тебе ни при каких обстоятельствах не велено этого делать. Повтори.

– Не велено этого делать, – вяло ответил Дроздов.

– Хорошо. То есть по тексту письма никаких действий не производилось?

– Нет.

– Кто, кроме меня, знает о письме?

– Только в канцелярии. Они перепутали Грозднова со мной и доставили пакет не по адресу.

– Значит, ты точно ничего не предпринимал по письму?

– Нет.

– Тогда слушай меня внимательно. Сейчас ты закроешь глаза и нормально подышишь. Ровно. Почувствуй, как кровь приливает к лицу, как мерно работает сердце. Ты отдохнул, ты очень хорошо себя чувствуешь. Я просчитаю до десяти и на последний счет ты проснешься, забыв все, кроме того, что нельзя причинять никакого вреда Варшавскому. Это очень важная мысль, она накрепко засядет в твоём мозгу. И если ты вдруг даже подумаешь нарушить наказ, твоё сердце собьётся с ритма и не успокоится, пока ты не прекратишь думать об этом. Я начинаю считать. Раз, два, три...

Варя смотрела в скважину, похолодев от страха и нереальности увиденного. Она слышала от профессора о гипнозе, но одно дело байки, а другое – увидеть своими глазами. Варшавский закрыл тетрадь и сунул её под кресло, на котором сидел Дроздов.

– Семь, восемь, девять, десять.

Энкавэдэшник открыл глаза и придал лицу внимательное выражение, как будто разговор о вспышках и дождевых каплях не прерывался ни на секунду. Профессор же продолжил как ни в чём не бывало:

– То есть из хаотичных, казалось бы, шумов человеческий мозг вычленяет какие-то составляющие, из которых формирует образ, руководствуясь только ему известными принципами. В теории можно предположить, что по-особому структурированный шум способен включить в человеческом мозгу неисследованные процессы, в результате которых индиви-

дуум приобретет новые качества.

– Качества чего? – встряхнув головой, поинтересовался Дроздов.

– Вот это доподлинно неизвестно, – пожал плечами Варшавский. – Может быть, качество восприятия, может быть, качество осмысления, а возможно, то и другое вместе.

– Не понимаю, – жестче повторил энкавэдэшник. – По-дробненько объясните!

– Хорошо. Кто, по-вашему, совершает революционные научные открытия?

– Не засирайте мне мозги, профессор! – поморщился Дроздов. – Что я вам, студент? Выкладываете начистоту!

– Хорошо-хорошо. Открытия обычно совершают выдающиеся ученые! Выдающиеся! Из ряда вон! Несмотря на то, что они видят, слышат и даже знают не больше других ученых, они способны как-то по-особенному складывать разрозненные данные в единую картину. Это талант. Но вот в чем причина таланта, почему одним он дан, а другим нет – неизвестно. Так вот, если хотите, мое предположение касательно межпланетного шума заключается в следующем. Он создает в мозгу человека некие дополнительные связи и делает его талантливым. На какое-то время.

– Талант на день, – усмехнулся Дроздов. – Так вы думаете, что человек, услышавший Голос Бога, может за «какое-то время» придумать нечто из ряда вон?

– Просто уверен, – кивнул профессор. – Проблема в том,

что суть открытия будет носить вероятностный характер. Мы не можем даже приблизительно предсказать, в какой области возможен научный или технический прорыв. Реципиент способен создать как новый вид оружия, так и аппарат для механической дойки целого стада коров.

– Кого, простите? – Дроздов наклонился вперед.

– Коров.

На несколько секунд воцарилось молчание.

«Меня самого выдают, – со смесью страха и злобы подумал энкавэдэшник. – Хорошо, что здесь нету товарища Свержина, а то бы прямо на месте меня пристрелил, услышав такое. Жалко, что профессоришку нельзя замочить прямо здесь и сейчас».

От этой мысли неприятно дернулось сердце, но Максим Георгиевич списал это на нервы и недостаток сна.

– А от чего может зависеть направление мыслей этого э... – снова обратился он к Варшавскому.

– Реципиента? – подсказал профессор. – Человека, попавшего под воздействие межпланетного шума?

– Ну да! Да!

– Я склоняюсь к мысли, что решающую роль будет иметь совокупность его моральных, умственных, возможно, физических качеств и личного опыта. Наиболее вероятно, что он попытается решить некую проблему, угнетавшую его в течение жизни. Но это лишь предположение.

– Тогда я задам более конкретный вопросик, – Дроздов

откинулся на спинку кресла. – Вы говорили, что Голос Бога уже слышали на Земле, иначе не смогли бы предсказать его следующего появления. Вам известно, где это происходило, кто был реципиентом и что он придумал после этого?

Варшавский задумался.

– Да, вопрос очень конкретный. До крайности, – медленно произнес он. – Понимаете, единственным источником, кратко рассказывающим о тех событиях, является дневник Тихонова. Он записан со слов Богдана, имевшего на руках рукопись первоисточника. Рукопись создана тибетскими монахами, а они, знаете ли, весьма склонны к аллегориям, а порой и некоторым преувеличениям, как мне кажется.

– Но все же?

– Вкратце можно сказать так. Предыдущим реципиентом был тибетский монах. Рукопись сообщает, что, услышав Голос Бога в медитативном трансе, он мысленным взором увидел Знак Бога, который является ключом к расшифровке послания. Что конкретно понимать под термином Знак Бога, я не знаю. Как им пользоваться – тоже неизвестно. Однако рукопись говорит, что тот, кто увидит Знак Бога, как раз и станет обладателем сокровенного знания.

– Каким же сокровенным знанием стали обладать монахи с тех пор? – решил все-таки выяснить энкавэдэшник.

– Я уже говорил, что они были склонны к аллегориям, поэтому вряд ли можно понимать написанное буквально. Однако многие источники утверждают, что монах, увидевший

Знак Бога, познал вместе с ним тайну бессмертия, а также научился делать предметы невидимыми. Якобы именно это умение до сих пор позволяет укрывать от ненужных глаз таинственный город Шамбала в Тибете, где живут бессмертные мудрецы, и священную долину Шангри-Ла.

– Вот как? – приободрился Дроздов. – Невидимыми, говорите? Очень хорошо. А то стадо коров каких-то... Невидимым можно сделать и танк!

– Вы так говорите, – усмехнулся профессор, – словно у вас есть подготовленный реципиент и вы собираетесь его использовать этой ночью. Боюсь испортить вам настроение, но для этого вам пришлось бы доставить в Москву настоящего тибетского монаха, а еще лучше отправиться на Тибет. Но вряд ли вы успеете добраться туда.

– Почему же обязательно монаха? – насторожился Максим Георгиевич.

– В дневнике Тихонова совершенно точно указано, что реципиент должен быть девственником, но иметь развитый мозг взрослого человека.

– Думаете, это так важно?

– Возможно, это главное. Человек, одолеваемый сексуальным желанием, сильно зацикливается на нем, а это, поверьте специалисту по психологии, многократно повышает внушаемость. Девственник открывает свои чувства вовне и способен воспринять такое, мимо чего другие пройдут не заметив. Именно с такой целью, я уверен, многие религии предписы-

вают обет безбрачия для монахов. Чтобы легче было вводить их в религиозный транс.

– Интересная гипотеза. Но ведь в теории, как вы говорите, можно найти взрослого девственника и в Москве.

– Не получится. Даже если найдется девственник, вам придется еще выстроить здесь высокую гору, равную средней горе Тибета, да еще из такого бесполезного в обычной жизни камня, как базальт. Где вы возьмете гору базальта в Москве за два дня до Нового года?

– Почему же именно из базальта?

– Ну вы же не думаете, что древние монахи принимали Голос Бога на ламповый радиоприемник?

– Пожалуй, нет, – усмехнулся Дроздов.

– Конечно. В документе сказано, что необходимо взойти на гору из твердого камня. Это перевод. Твердым камнем монахи, скорее всего, называли базальт. Могу предположить, что структура базальта позволяет войти в резонанс с волной междупланетного излучения, после чего на мозг реципиента будет оказано электромагнитное воздействие.

– Значит, от лампового приемника никакого проку не будет? – спросил энкавэдэшник.

– В нашем случае никакого, – развел руками Варшавский. – Кроме того, есть, по всей видимости, и другие препятствия. В рукописи, опять же, сказано, что реципиент специальными упражнениями должен вырастить так называемый «третий глаз». То есть придать определенной обла-

сти мозга, в районе темени, сверхвысокую чувствительность. Это еще сверх той повышенной чувствительности, какую имеет девственник. Дело в том, что возникшие под действием потока корпускул колебания в базальтовой глыбе будут невероятно слабы. А мозг наш довольно хорошо защищен от излучений черепом и сетью кровеносных сосудов.

– Понятненько, – с нажимом сказал Дроздов, стараясь показать, как он расстроен. – По всей видимости, действительно ничего не получится. Так зачем же вы писали это письмо?

– Я же должен был поставить в известность НКВД, – улыбнулся профессор. – Возможно, если бы вы отреагировали раньше, можно было бы попробовать разработать прибор для улавливания межпланетных корпускул. Сейчас, к сожалению, поздно.

– Так-так. А что наука скажет по поводу такого понятия, как медитативный транс?

– Понимаете, человеческий мозг устроен так, что во время сна у него остается работать некий сторожевой центр. Ну, чтобы разбудить, в случае опасного шума, к примеру. А вот в состоянии гипноза этот центр остается намного более активным и позволяет, минуя сознание, обратиться к подсознанию, например в целях лечения. Но человеку не обязательно для этого приходить на прием к гипнотизеру. На Востоке существует техника самогипноза, то есть медитации. Человек при помощи мантр и специальной музыки сам себя погружает в сложное состояние между сном и бодрствованием,

после чего может оказывать воздействие на свой организм с помощью специальных зрительных образов.

– Вам известны какие-либо мантры?

– Нет, – развел руками Варшавский. – Я физиолог, а не этнограф.

Дроздов нахмурился и, теребя бородку, о чем-то глубоко задумался.

– Получается, что в медитативном трансе человек и не бодрствует, и не спит? – бормотал он себе под нос.

– Именно! – подтвердил высказывание Дроздова профессор. – Он может оперировать сознанием, но оно находится в очень заторможенном состоянии. Почти отключено. Это отчасти похоже на очень откровенную молитву. Извините, это все, конечно, устарело, но... факт. Факт!

– А сном заменить медитацию нельзя?

– Отчасти можно, если до самого момента засыпания фиксировать внимание на нужном образе. Но без специальной тренировки это, поверьте, невысказано.

– Понятно, – энкавэдэшник улыбнулся и пожал профессору руку. – Ну спасибо, профессор! Спасибо! Я вынужден откланяться, – Максим Георгиевич поднялся из кресла. – Благодарю за содействие. Дела, дела... Контрреволюционный не дремлет враг.

Профессор тоже поднялся.

– Заходите! Обращайтесь! Рад помочь Советской власти! Они оба пропали из Вариного поля зрения. Потянуло

сквозняком, негромко хлопнула входная дверь. Варвара на цыпочках подкралась к окну и, отодвинув гардину, разглядела среди заснеженного двора черную «эмку». Водитель смолил папироску, облокотившись о дверь. Варе показалось, что на заднем сиденье еще кто-то сидит, но разглядеть его в темноте салона было трудно. В глаза бросился только летный шлем, блеснувший кожей в падающем из окон свете.

Вскоре к «эмке» подошел посетитель Варшавского, сел в автомобиль, и машина укатила, растворяясь в круговерти метели.

Варвара снова взглянула на окно дедовой квартиры – свет уже не горел. Хорошо, подумала Варя, значит, соседка зашла еще и вечером и уложила деда спать. Надо будет отблагодарить ее.

Девушка вернулась на диван и снова укуталась в плед.

Опять она не могла уснуть. Только что увиденная сцена гипноза удивила ее гораздо больше, чем летчик в машине энкавэдэшника. Она и думать не думала, что живого, в полном сознании человека можно так легко заставить плясать под чужую дудку.

«Не ударься я носом о дверь, сама бы сделала все, что скажет профессор, – подумала девушка и поежилась от неприятного холодка. – Колдовство какое-то, иначе не назовешь. Может, оттого с Варшавским Советская власть и нянчится, что он любому может приказать пальцем себя не трогать. Прямо не верится. Кто бы сказал, решила бы – байки».

В голове Вари засела навязчивая мысль – а не гипнотизировал ли ее профессор? Может, и чаепития никакого не было? Уж больно странное действие произвел этот чай. Но с другой стороны, профессор знал ее с малолетства, они с отцом иногда встречались. Если он и применил бы гипноз, то уж точно не во вред. Только зачем? Хотя, может, и не профессор ее гипнотизировал? Может, этот странный китаец? Смотрел он странно, тут и гадать нечего. Но мог ли он загипнотизировать гостью профессора в его присутствии? А самого Варшавского? И вообще интересно, действует ли гипноз на тех, кто сам им владеет? Да и сам профессор хоть и знал ее с детства, но близким другом отца не был, и верить ему, как и всякому мужчине... Все они комсомольцы, ученые, начальники, а как до дела дойдет, так...

Чем больше Варя об этом думала, тем страшнее ей становилось. Странности, ничего не значившие всего полчаса назад, теперь казались угрожающими. Ведь под гипнозом человек ничего не соображает, с ним можно сотворить что угодно. Наконец Варя не выдержала и, сунув руку между бедер, исследовала сокровенное место. Там было обычно – никаких признаков чужого вторжения.

Варе стало стыдно за свои подозрения, но зато она сразу успокоилась и закрыла глаза. Теперь мысль о воздействии со стороны китайца казалась абсурдной. Приятный человек. И чай варит волшебный. Зачем ему гипнотизировать бедную девушку, пришедшую за помощью к другу отца? Просто чу-

десная способность Варшавского повелевать людьми без их ведома спутала мысли. Скорее всего, китаец не владеет гипнозом. Они ведь, кажется, совсем дикий народ. У них в Китае и паровозов-то вроде бы нет.

Варя подтянула плед к самому носу и перевернулась на другой бок.

«Не проспать бы завтра на фабрику», – подумала она механически и приготовилась уснуть, но, вопреки ожиданиям, сон не приходил. В темном, тяжелом, дремотном состоянии Варя ворочалась, отгоняя кошмары. Наконец не выдержала и, отбросив одеяло, поставила босые ноги на пол.

«Лучше почитать, – со вздохом подумала она. – А то от такого сна только утомлюсь больше прежнего. На фабрике-то образованием не сильно займешься, прямо стыдно, честное слово. Профессор вон какой умный, отец был ученым, а я – темнота. Прямо как деревенские, приехавшие на фабрику из колхозов. Отец, был бы жив, со стыда бы сгорел за такую дочку».

Варя решительно натянула платье и, шагнув к стеллажу, подняла взгляд, выискивая что-нибудь интересное для себя. Ее внимание привлекла пачка журналов под названием «Восток», выходивших в издательстве «Всемирная литература». Варя вспомнила, что именно об этом издании говорил Варшавский, когда рассказывал ей о клинописи. И решила, что найдет статью Шилейко и непременно прочитает ее. Тогда она сможет поговорить на равных с товарищем Зульфией, и,

может быть, тогда Варю заметят на производстве и дадут направление в вуз.

Девушка протянула руку и наугад вытянула из пачки один журнал. Это был старый, выпуска 1923 года, номер. Варя перевернула страницу и сразу же наткнулась в оглавлении на статью Шилейко, который представлял отрывок самого древнего в истории человечества художественного текста в собственном переводе.

«Может, на моем платке отрывок как раз отсюда, – подумала Варя. – Наверное, Зульфия Ибрагимовна читала эту статью».

Варя с интересом открыла журнал и начала читать, стараясь не думать обо всех бедах этого дня, а как следует вникать в смысл статьи.

«До меня уже многие исследователи переводили текст эпоса о Гильгамеше на европейские языки, – писал Шилейко. – Не хотелось бы вдаваться в критику досточтимых коллег, но их переводы, в частности перевод Дорма на французский, изобилуют массой неточностей и отсебятины. Кроме того, они по большей части опирались на так называемый «классический», аккадский клинописный текст заклинателя Синлекеуннинни в одиннадцати таблицах (я, однако, предполагаю, что их было двенадцать, хотя бы исходя из того, что шумеры использовали шестидесятеричную систему математических исчислений, просто двенадцатая таблица не сохранилась до наших дней). Исследователи используют этот

текст, несмотря на то, что совершенно определенно он представляет собой в высшей степени творческую переработку гораздо более ранних, еще доаккадских источников. Таким образом, в уже переработанный текст вносятся дополнительные переработки, в результате чего становится чрезвычайно сложно вычленить зерна истины. Особенно критично я отношусь к переводу Гумилева, выпущенному отдельной книгой в 1918 году. Несмотря на то, что автор неоднократно ссылался на якобы использование моих собственных рекомендаций в толковании «Гильгамеша». На самом же деле текст Гумилева является не чем иным, как перекладом французской версии Дорма, да еще в огромной степени переосмысленным самим Гумилевым. На мой взгляд, эту работу нельзя считать научной.

С моей стороны было бы крайне опрометчивым вовсе отказаться от перевода аккадского источника Синлекеуннинни, я трудился над ним несколько лет и уже подготовил перевод полностью. В скором времени ожидается его выход в издательстве «Всемирная литература» в томе «Ассирио-вавилонский эпос».

Однако сейчас я хочу привлечь ваше внимание к более раннему тексту, в котором также фигурирует Гильгамеш. Этот текст имеет серьезные смысловые отличия от более поздних, адаптированных версий. Так, например, Гильгамеш и Энкиду лишены всяких сверхъестественных черт, Гильгамеш является властителем города Урука, вполне че-

ловеком. Есть и более серьезные различия. По некоторым признакам текст этот можно отнести к периоду ранней шумерской цивилизации и датировать приблизительно 2700–2900 годами до нашей эры. Несмотря на то, что я занимаюсь переводом шумерских и вавилонских текстов давно, меня не покидает ощущение бездны времени, пролегшей между нами и людьми тех времен. В любом случае текст, написанный около пяти тысяч лет назад, можно назвать первым дошедшим до нас художественным произведением.

К сожалению, сохранился лишь малый фрагмент раннего текста, и я не посчитал возможным разбавлять его собственными измышлениями. Поскольку мой перевод отрывка по разным причинам не вошел в том «Ассирио-вавилонский эпос», я публикую его в этом досточтимом журнале».

Прочитав предисловие, Варя ощутила, что прикоснулась к чему-то значительному. Пять тысяч лет! Эта цифра не укладывалась в сознании. Сон окончательно отступил.

«Интересно, как люди жили в те времена, – подумала она. – О чем думали, о чем мечтали...»

Она прочла первые строки перевода и удивилась, насколько примитивный, казалось бы, текст захватывает и пробуждает воображение. Картинка перед мысленным взором рисовалась настолько отчетливая, что Варя ощутила теплый ветер неизвестного мира.

Солнце – лик великого бога Шамаша,
подбиралось к зениту,
По улицам огражденного Урука шел торговец
Иттихурат,
Направлял он стопы свои к жилищу заклинателя
Пишиуннини.
Ткани его одежды были грубы,
Тело не было умащено елеем,
Солнце жгло его обнаженные руки.
Пот пропитал одежду его,
Ноги его распухли,
Сандалии жестоко теснили.
Торговец добрался до дома, где жил заклинатель,
Дверь он увидел, срубленную из черного кедра.
Дверь была украшена тонкой резьбой,
Железные бляхи ее украшали, подобные звездам...

Варя прервалась и вспомнила гипноз, в который она чуть не погрузилась от размеренных слов профессора. Эффект от чтения перевода хоть и был похожим, но казался теперь не опасностью, а скорее призывом, ключом от двери, в которую ее приглашали войти.

ГЛАВА 9

28 декабря 1938 года, среда.

Подмосковье, рабочий поселок Долгопрудный

Около одиннадцати часов вечера в ворота клуба спортивного воздухоплавания, фыркая мотором, въехала раздолбанная бездорожьем полуторка. Желтый свет фар дрожал на снегу, высвечивая невысокого толстячка в скроенном на заказ пальто. Тень от него была тощей и длинной, словно воплощала мечты хозяина о росте, который он хотел бы иметь.

– Стой! Хорош! – толстячок поднял руку. – Глуши мотор.

Грузовик чихнул выхлопом и устало притих, цокая в тишине остывающим радиатором и продолжая светить фарами в темноту.

– Пантелеев, твою мать! Ты где?

Толстячок обернулся и, захрустев по снегу, пропал за границей света.

– Да тут я, не кричи.

– Где твои архаровцы?

– Переодеваются. Не нервничай, директор, все разгрузим в срок.

Скрипнул открываемый борт полуторки.

– Почему два куба? – Пантелеев, невысокий, жилистый, забрался в кузов. – Что-то я не помню такого разговора.

– Как Дроздов приказал, так и сделали, – сообщил директор камнеобрабатывающего завода. – Один из гранита, другой из базальта.

– Из чего, из чего? – брови Пантелеева поползли вверх.

– Порода такая. Горная.

– Ну ты даешь, директор, – рассмеялся Пантелеев. – Где же ты ее добыл?

– Слушай, отстань. Если бы ты был директором камнеобрабатывающего, у тебя бы тоже были возможности. Я же не спрашиваю, где ты на праздник своим детишкам шарики водородом накачиваешь.

Пантелеев умолк и сел на один из кубов.

– Прямо как стекло! – Он снял перчатку и провел ладонью по гладкой поверхности. – Только черное.

В темноте слышались молодые задорные голоса, обсуждавшие, кто кого утром обыграл в хоккей.

– Вот и ребята, – Пантелеев натянул перчатку. – Надо подогнать грузовик к подъемнику, а то как я такую тяжесть в гондолу уложу? Дроздов тоже жук. Хоть бы предупредил, что два куба будет. Что ему теперь, две гондолы готовить? В одну два куба точно не влезут.

– Может, он приедет и выберет? – директор решил дать совет. – Потом и загрузите, что он скажет. Только меня отпустите.

– Ладно, – вздохнул Пантелеев. – Пожалуй, ты прав. Эй ребята! Готовьте подъемник, будем камни вытягивать. А ты

все же подай машину вперед.

Они оба выпрыгнули из кузова. Директор хотел дать команду водителю, чтобы тот трогал, но обернулся, услышав за спиной тарыхтенье мотора.

– Да это никак товарищ Дроздов пожаловал, – вытянул шею Пантелеев. – Вот как вовремя! Не надо теперь думать, какой из кубов сгружать.

Он улыбнулся и махнул рукой сторожу, чтобы немедленно отворил ворота. Директор же никакой радости не выказал, он натянул до бровей шапку и постучал по кабине полуторки.

– Палыч, заводи колымагу.

Водитель спрыгнул с подножки, вставил под радиатор кривую ручку и принялся вращать. Мотор завелся легко – не успел остыть. Тем временем Дроздов вылез из «эмки» и пожал руку Пантелееву.

– Это глыбы привезли? – первым делом спросил он.

– Да, – ответил председатель аэроклуба. – Ты бы хоть предупредил, что будет два куба. Оба в одну гондолу не войдут.

– Оба и не надо, – усмехнулся энкавэдэшник. – У меня сегодня очень удачный денечек. Директор здесь, надеюсь?

– Да, шофером командует, – Пантелеев махнул рукой.

Максим Георгиевич нехотя обошел кузов и окликнул толстячка:

– Эй, поди сюда! Базальт достал?

– Конечно! Вы ж сказали! – директор спрыгнул с подножки и засеменил к Дроздову. – Все, как велено.

– Показывай.

Толстячок, путаясь в полах пальто и кряхтя, вскарабкался в кузов.

– Вот этот – базальт.

– Отличненько. Пантелеев! Поди сюда. Видишь правый куб? Это базальт.

– Я уже знаю.

– Вот его и грузи в гондолу. Сейчас покажу тебе «летчика». Гондольер, мать его дери!

Дроздов вернулся к легковушке, распахнул дверь и велел Стаднюку вылезать. Тот выбрался, плотнее натягивая на голову кожаный летный шлем.

– Звать-то как? – поинтересовался Пантелеев.

– Павел Стаднюк, – ответил Максим Георгиевич вместо Пашки.

– Щупловат, – оценил председатель аэроклуба.

– Ничего. У него масса других достоинств. Так что отвечаешь за него головой. В прямом смысле слова.

Павлу не нравилось, что его оценивают, словно лошадь на рынке, но зато все яснее вырисовывалась перспектива куда-нибудь на чем-нибудь полететь. А значит – жить. И потом, возможно, неплохо жить!

Конечно, как и все парни, он мечтал подняться в небо на самолете, но кто бы мог подумать, что это произойдет столь скоро, столь неожиданно и без всяких усилий с его, Павла, стороны? Душу опять зашекотал страх, но не сильный, а ско-

рее задорный, как перед прыжком в холодную воду. Страшок, а не страх.

– Кто с ним полетит? – спросил Дроздов.

– Лучший у меня Гринберг. Он готовит аппарат.

– Отлично. Пограничники, зенитчики в курсе?

Пашка опять перепугался, и улыбка сошла с его губ. Упоминание зенитчиков напомнило ему о зыбкости его существования. А что, если его отправят в небо, а потом будут стрелять по нему из зениток для какого-нибудь научного результата?

– Обижаешь, Максим Георгиевич, – протянул руководитель летного клуба. – Ты мне что, доверять перестал? Я оформил спортивный полет по всем правилам.

– Если бы я тебе не доверял... – начал было энкавэдэшник, но не закончил, махнул рукой. – Пойдем инструктировать нашего покорителя небес. И Гринберга пригласи, пусть познакомится.

Павел молча поплелся за начальством, скрипя по снегу летными унтами. Наконец он набрался смелости и решил уточнить:

– Я на чем-то полечу?

Дроздов словно споткнулся о невидимую преграду, медленно обернулся и с усмешкой ответил:

– Полетишь. Еще как полетишь! На стратостате тебя устроит? Выше птиц полетишь, увидишь землю с высоты птичьего полета. Всю нашу Родину необъятную обозришь.

Завидовать тебе будут. Все комсомолки твои будут, когда вернешься!

У Павла бешено забилося сердце, но не от восторга, как всего минуту назад, а от банального ужаса. Это ведь героям положено рисковать жизнью, поднимаясь на недостижимые высоты – не ему с плохо заросшей дырой в голове! Он представил себя замурованным в герметичной гондоле стратостата, зависящим от пружинок и вентилей газообменной системы, от прочности тросов и надежности оболочки аэростата. Страх стиснул горло, и Паша чуть не рухнул в сугроб, но шедший впереди Дроздов не заметил этого.

– А почему я? – хрипловато спросил Стаднюк.

– Партия решила поставить наиважнейший для науки эксперимент, – пояснил Дроздов, поднимая указательный палец. – Определить, сможет ли рядовой пролетарий выдержать подъем на рекордную высоту. И важно узнать, как высоко может подняться без риска для жизни обычный пролетарий. Поэтому выбор пал на тебя – не тренированного, перенесшего травму, не очень уравновешенного психически. На обычного парнишку, комсомольца, каких тысячи и тысячи.

«Разве я псих? – с легкой обидой подумал Паша. – С нервами-то у меня вроде полный порядок. Не поймешь их. В экспедицию не взяли. Но, может, потом возьмут?»

Председатель аэроклуба прыснул коротким смешком. За спиной взвыла лебедка подъемника, а впереди замаячило

освещенное окно учебного класса. На стенах виднелись плакаты, демонстрирующие устройства парашюта. Дроздов распахнул дверь в помещение и пропустил Павла вперед.

– А ты, Пантелеев, поди Гринберга позови, – напомнил председателю энкавэдэшник.

– Позову, позову. Только нам ведь с тобой тут сидеть неизвестно сколько, а у меня с обеда маковой росинки во рту не было. Может, сгоняешь шофера своего колбаски купить?

– Где ее сейчас купишь?

– Ну пусть домой ко мне заедет. Тут ведь недалеко. Жена моя ему выдаст все, что надо.

Когда подвешенный на тросах куб медленно опустился через люк в стальную гондолу, директор камнеобрабатывающего завода забрал отцепленные ребятами стропы и поспешил к грузовику. Устроившись в кабине полуторки, он с облегчением выдохнул и приказал водителю:

– Трогай, Палыч.

– Как скажете, Геннадий Васильевич. – Шофер со скрежетом включил непослушную передачу.

Машина дернулась и, взыв мостом, задом выкатилась в распахнутые ворота.

– Куда? – разворачиваясь, уточнил Палыч. – На завод?

– На завод, на завод, – директор снял шапку и вытер пот со лба. – Господи, так вот и поверишь в Бога, – вздохнул Геннадий Васильевич и оглянулся на водителя.

Но тот был сосредоточен на управлении полуторкой. Грузовик пробуксовал на льду и двинулся по разбитому заснеженному проселку. Геннадий Васильевич молча вздыхал время от времени. Ехали минут пятнадцать, пробивая светом фар крошечную темноту. Шофер боролся с колдобинами, машина грохотала колесами в заледеневшей колее.

– Так ее перетак! – злился Палыч. – Резину надо было давно менять!

– Где же я ее возьму? – недовольно буркнул директор. – Разнарядки-то не было. План!

– Какой, ядрить ее, план по таким дорогам? – ругнулся шофер.

Со злости он зазевался с перегазовкой, полуторка потеряла скорость и тут же затарахтела, завизжала забуксовавшими колесами.

– От, мать ее!

– Застряли? – вытянул шею Геннадий Васильевич.

Шофер молча поддал газу, но резина визжала и выла напрасно – засели всерьез.

– Сами не выберемся, – наконец смирился он с неизбежным. – Надо тягач цеплять.

– Эх ты, ну вот вечно так! – разозлился директор. – Только из одной передряги, сразу в другую. И где же нам тягач взять? В клубе у Пантелеева должен быть, наверно.

– Далеко уже отъехали, – напрягся шофер, понимая, что если кому и придется идти, то ему. – Может, до утра доси-

дим? Часа четыре осталось, потом от Пантелеева грузовой «Студебекер» пойдет.

– Так ведь замерзнем за четыре часа!

– Пока мотор работает, не замерзнем, – успокоил шофер директора. – А для надежности можно и более верное средство употребить.

– А есть? – взгляд Геннадия Васильевича потеплел.

– Ну, куда же зимой шоферу без этого? – улыбнулся Палыч, извлекая из-под сиденья непечатую бутылку водки. – Погибель одна.

Он ловко распечатал бутылку и понюхал, чуть морщась.

– Закуски-то нет? – спросил директор.

– Да есть какая-то, – водитель порылся под сиденьем и поднял с промасленного пола побитую, чуть подмерзшую луковицу.

– Пойдет, – вздохнул Геннадий Васильевич.

Палыч разрезал находку и протянул половину начальнику. По очереди выпили прямо из горлышка, закусили. Потом выпили и закусили еще. Директор раскраснелся, фыркал, на лбу у него выступили мелкие капельки. Холод действительно отступил, но тревожное чувство, вопреки ожиданиям, не оставило Геннадия Васильевича, а напротив, навалилось с новой силой. Пришлось выпить еще. Сделалось легче.

– Что-то толстею я и толстею, – пожаловался он нечаянному собутыльнику. – Уже и не ем почти, а брюшко-то видел какое?

– Нервная небось работа? – посочувствовал шофер.

– Мастером цеха было проще, – вздохнул директор и сделал еще глоток. – Но другие от нервов худеют!

– Это у всех по-разному. Когда нервничаешь и сидишь в кресле, то, скорее всего, растолстеешь или того хуже – геморрой схлопочешь.

Снова выпили, покривились от луковой горечи.

– Геморрой, – пьяно рассмеялся Геннадий Васильевич. – Иногда его лучше в прямом смысле заработать, чем в переносном. Эх, если бы ты знал, Палыч, как меня этот день вымотал! Нет, надо еще выпить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.